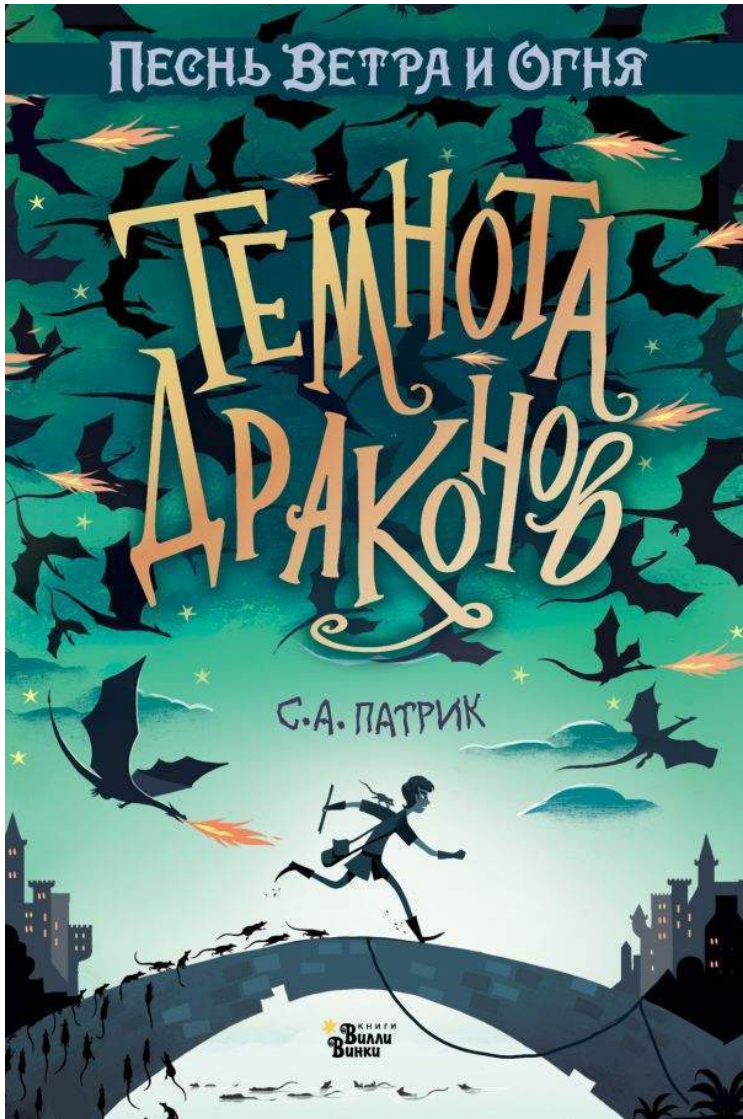

ПЕСНЬ ВЕТРА И ОГНЯ

ТЕМНОТА ДРАКОНОВ

С.А. ПАТРИК

ВНИМАНИЕ
ВУЛКИ
ВУЛКИ

С. А. Патрик
Темнота драконов
Серия «Путешествие в сумерки»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48514036

*Темнота драконов:
ISBN 978-5-17-117418-7*

Аннотация

Мир колдунов и драконов, злодеев и героев, чья сила – в магии музыки. Патчу Брайтвотеру не везёт. Способный парень, он блестяще сдаёт экзамены, только в Высшие Стражи его не берут. У него определённо магический дар, только пользоваться им он как следует не умеет и попадает в тюрьму. Его благородные порывы разбиваются о стену интриг сильных мира сего. Он совсем не похож на героя. Но вступает в игру доброты: мальчик спасает крысу – заколдованную девочку Рен. С её помощью Патч должен остановить зло и выиграть свою главную битву.

С.А. Патрик и сам мечтал о магическом даре. В определённом смысле его мечта сбылась – эта книга уже вошла в шортлисты таких премий, как NE Book Award, CrimeFest Book Awards и Essex Book Awards 2019.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Это совсем не сказка	5
1	7
2	13
3	23
4	30
5	41
6	57
7	71
8	89
Конец ознакомительного фрагмента.	105

С. А. Патрик

Темнота драконов

Моему сыну Элиасу. Всё это он услышал первым.

First published in the UK in 2018 by Usborne Publishing Ltd., Usborne House, 83–85 Saffron Hill, London EC1N 8RT, England.

www.usborne.com

Copyright © S.A. Patrick, 2018

© Яковлева Е., перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Это совсем не сказка

Этот мир такой же, как наш, – во многом. Только здесь в самом деле живут драконы – в своих землях, вдали от людей. А ещё колдуны – светлые и тёмные. И *флейтисты*, способные хранить порядок вещей одною лишь Песней.

Порой её отголоски *могут* долететь и до нас. И в этом своё волшебство. А Флейтист всегда знает такое – о нас – что мы сами легко забываем.

В его музыке – наша тайна.
В его музыке – волшебство.

Послушай...

1

Ледяной монстр

На детские крики сбежалась вся деревня. Малыши любили играть среди высоких сосен на южной границе Паттерфолла. Здесь, высоко в горах, зима была суровой, но деревья защищали долину от пронизывающего ветра.

Люди со всех ног бежали на крик. Дети, продираясь сквозь ветви и карабкаясь через сугробы, в панике выскакивали из леса. Первым подлетел ко взрослым Фрер, восьмилетний сын пекаря.

– Он пришёл! Он рядом!

– Успокойся, дитя, – произнесла Грета – Старейшина деревни. – Скажи мне, кто вас так напугал? Медведь?

Мальчик замотал головой.

– Нет, Старейшая. Ледяное Чудище!

Сказав это, он побежал дальше, домой, где можно чувствовать себя в безопасности.

– Малыш просто напуган, – пояснила Грета своим соседям по поселению.

Для них Ледяное Чудище было всего лишь легендой, не более. Легендой, которой столько же лет, сколько стои'т их деревня. Эта легенда рассказывала о небывалом существе из снега и льда – таком, каких совершенно точно не бывает на самом деле.

Однако... небывалые существа всё же *бывают*.

Некоторые – к примеру, драконы – столь же разумны, что и люди, иные – вроде василисков и мантикор – просто наводят жуть. Но никто из них никогда не встречался жителям Паттерфолла. Драконы жили далеко, на другом континенте, где-то на востоке, а прочие чудища, к счастью, обитали и того дальше. Да и осталось их – по пальцам пересчитать.

Но сейчас деревенские жители видели собственными глазами, что на опушке есть нечто. *Нечто* большое. *Нечто* белое. Очень похожее по описаниям. И *оно* идёт сюда.

– Нет! – воскликнула Старейшая. – Этого не может быть! Тем не менее оно *было*. И все они его видели.

Огромное Ледяное Чудище, всё в снегу. С великанскими

лапами, точно стволы деревьев. С головой, бесформенной, как огромный снежный ком, – глядя на неё, несложно представить страшную пасть с острыми клыками, готовую проглотить любого, кто подойдёт слишком близко.

Снег скрипел под тяжёлой поступью Чудища. Завывая, оно подходило всё ближе и ближе.

Жители деревни бежали ему навстречу.

– Скорее! – кричали они детям, пряча их за собой. – Скорей домой!

Один – четырёхлетний Хэп Вернер – сильно отстал от своих друзей. Он замер от ужаса и стоял как вкопанный прямо на пути страшного существа.

– Малыш Хэп! – кричала Старейшая. – Беги домой! Быстро!

Но Хэп не двигался, а только мотал головой. Чудище медленно приближалось к нему.

Не теряя времени, Старейшая подняла лопату и с криком бросилась навстречу страшному пришельцу.

– Ну держись!

За ней мчались её соседи по поселению, вооружённые мотыгами, вилами и мётлами – тем, что успели схватить на ходу, выбегая из домов.

Грета первой подскочила к Ледяному Чудищу и, размахнувшись как следует, стукнула его лопатой по голове. Существо издало странный звук и с грохотом рухнуло на землю.

Люди собрались вокруг, готовые броситься на него, стоит

ему только шевельнуться.

Но страшное существо не двигалось. Оно словно рассыпалось, обнажив то, что было внутри и пряталось под снегом. Замёрзший красный нос, вполне человеческий. И рот, ничуть не похожий на жуткую пасть, которую уже успели представить себе напуганные жители.

– О... о... – простонало Чудище.

Удивлённо переглянувшись, люди начали скорее очищать незнакомца от снега, налипшего на него толстыми слоями. С каждой секундой пришелец становился всё меньше, хотя по-прежнему напоминал толстолапного великана. И только когда почти весь снег был отлеплен, жители догадались.

Одежда.

На парне было надето с десятков рубашек и штанов, а на шею намотана сотня шарфов. Голова и руки его казались огромными из-за шапок и перчаток, натянутых друг на друга. Лицо его было обмотано обрывками ткани, в этой многослойной повязке оставались лишь узкие щёлочки для глаз, носа и рта.

Незнакомец лежал без движения. Он оказался слишком тяжёлым, поэтому люди волоком притащили его в деревню.

Огонь ревел в камине. Гостя полулёжа усадили в кресло поближе к огню и осторожно стали освобождать от слоёв одежды, которая была вся набита обледенелым снегом. Гора вещей в углу росла, а гость, который всё ещё лежал без сознания, наоборот, делался меньше и меньше, пока не превра-

тился в щуплого человечка небольшого роста, облачённого в форменный сюртук. Он оказался темноволосым и взъерошенным мальчиком, похожим на воронёнка.

– Такой юный. Лет тринадцать, не больше! – заметил один из селян. – Как же он пережил такое путешествие?

– Хороший вопрос! – согласилась Старейшая. – Для того чтобы оказаться здесь, он должен был пересечь Ущелье Эндига. Но там сейчас настоящий ледяной ад.

– Верная смерть для всякого, кто окажется там! – поддержал селянин.

– Однако этот мальчик выжил, – задумчиво произнесла Старейшая, – он явно не так прост, как может показаться.

С этими словами она наклонилась над пришельцем – посмотреть, что у него в карманах. И тут же выпрямилась. В руке Старейшая держала деревянную дудочку длиной примерно от запястья до локтя. Жители деревни ахнули.

Конечно, это была вовсе не дудочка – слишком много отверстий, да и расположены они в каком-то странном порядке. Такого музыкального инструмента жители Паттерфолла никогда не видели.

Да-да, вовсе не дудочка. Это была *флейта*!

Старейшая подняла её над головой.

– Флейтист пришёл! – провозгласила она. Ответный возглас радости вырвался из уст жителей деревни.

Весть о приходе Флейтиста мигом понеслась по улицам, где каждый подхватывал и передавал другому одну и ту же

фразу:

«Флейтист пришёл! Флейтист пришёл!»

2

Незнакомец

Очнувшись, мальчик обнаружил, что лежит на маленькой кровати в незнакомой комнате, облачённый в простую сорочку, которая явно была чужой. Мальчик сел на кровати и попытался вспомнить, как попал сюда. Безуспешно. Не покидало лишь ощущение, что он забыл нечто очень важное.

– Наконец-то проснулся, – проговорил вдруг кто-то.

Вздрагнув, мальчик обернулся и в тёмном углу увидел пожилую женщину, которая встала, взяла стул и перенесла его поближе к кровати.

– Меня зовут Грета, – представилась она. – Я Старейшина Паттерфолла.

– Чего? – переспросил мальчик.

– Паттерфолла. – По лицу Греты скользнуло беспокойство. – То есть этой деревни.

– Простите, – проговорил мальчик, – я почти ничего не помню. Вообще ничего.

Грета кивнула.

– Конечно, не помнишь. Тяжёлое было путешествие, так что неудивительно.

– Но я же вспомню?

– У нас такое бывает, – ответила Грета. – Ты не первый, кто полуживым выходил из леса, хотя и самый молодой из всех, кто когда-либо приходил к нам. Довольно скоро память вернётся к тебе. Появится то, что обязательно её пробудит. А сейчас постарайся вспомнить хоть что-то, даже самую малость!

Мальчик задумался на секунду, но всё, что ему удалось воскресить в памяти, – это бесконечный путь через тёмный лес и ощущение, как шаг за шагом он идёт и идёт через ледяной ад. И пути этому нет конца.

– Я не помню даже, как меня зовут! – удивлённо воскликнул он.

– Думаю, я знаю твоё имя, – улыбнулась Грета и принесла сюртук, который повесила на крючок. – Ты был весь в снегу, когда мы тебя обнаружили, с ног до головы. А под снегом –

сто одёжек. И под ними – вот этот сюртук. Это же твой?

Мальчик улыбнулся – сюртук он узнал: хотя бы это удалось сохранить в памяти!

– Да, это мой.

– Тогда смотри. – Грета отогнула воротник. Там с изнанки было аккуратно вышито чьё-то имя. – Кажется, тебя зовут вот так.

Мальчик прочитал имя вслух.

– Патч Брайтвотер.

Оно прозвучало так привычно и правильно, что вместе с именем вспомнилось ещё кое-что.

– Это бабушка вышила, чтобы я не перепутал свой сюртук с чужим.

Грета улыбнулась.

– Приятно познакомиться, Патч Брайтвотер! – сказала она. – *Очень* приятно. А ведь я знаю, зачем ты пришёл сюда! – Она достала из кармана жакета флейту. – Ты здесь, чтобы спасти нас!

Патч удивлённо взглянул на неё.

– Я? – переспросил он, и Грета кивнула. – Я что, Флейтист?

Мальчик осторожно протянул руку и взял флейту. Стоило ему коснуться её, как ещё одно бесценное воспоминание, словно картинка из книги, пролетело в его сознании. Уроки музыки в замке Тивискан – резиденции флейтистов. «Точно, – подумал Патч, – замок Тивискан». Место, где учат иг-

рать на флейте.

Мальчик гладил флейту, ощупывая кончиками пальцев знакомые отверстия музыкального инструмента. Столько всего ещё предстояло вспомнить, но главное – это песни. Да, они ожили в его памяти! – Я Флейтист, – наконец проговорил он и улыбнулся сквозь слёзы.

Грета погладила его по голове.

– Если честно, мы ждали кого-то постарше...

Патча охватило внезапное беспокойство – точно как то, что он почувствовал сразу после пробуждения. Нужно вспомнить нечто *очень* важное. Нужно вспомнить!

– Ни один обычный человек не проберётся через эти снега, – сказала Грета. – Но мы звали Флейтиста, и вот он пришёл!

С этими словами Патч вспомнил ещё кое-что.

– Погодите... Что-то случилось тогда. Что-то страшное. Я спешил. – Он поднял взгляд на Грету, и та ободряюще кивнула. – Кажется... там был ещё торговец. Он ехал в вашу сторону, он и его семья. – Мальчик прикрыл глаза, пытаясь собраться с мыслями. – Но дорогу занесло снегом. Когда мы разворачивали повозку, колёсная ось сломалась. Торговец выпряг лошадь, посадил на неё жену и ребёнка и уехал прочь.

– Они бросили тебя?

Патч тяжело вздохнул.

– Они не виноваты. Я думал найти в повозке немного еды,

но там была только одежда – товар на продажу. Сперва я хотел укрыться в повозке, играл на флейте Согревающую Песнь, чтобы не замёрзнуть. Но мороз крепчал, пальцы онемели от холода, я уже не мог играть. Тогда надел на себя всё, что смог, и ждал, когда погода наладится. Но она становилась всё хуже. И тогда я пошёл. Есть одна очень лёгкая Согревающая Песнь, её можно даже насвистывать. Но губы быстро потрескались от мороза – пришлось замолчать. Потом наступила ночь. – И тут мальчик вспомнил, каким *долгим* оказался тот путь сквозь снег и метель. *Бесконечно* долгим.

– И вот теперь ты здесь! – закончила Грета. – Что же там произошло, Патч? Такое страшное? То же, что и в нашей деревне? То, из-за чего мы, возможно, умрём от голода? Как только мы это поняли, сразу отправили гонца в Вэссил – город неподалёку. Мы дали ему единственную лошадь, которая могла продраться сквозь сугробы. Он должен был вызвать Флейтиста. Тебя!

– А зачем вам Флейтист, Старейшая? – спросил Патч. – Зачем вам я?

Старейшая мрачно помолчала, но потом снова заговорила.

– Летом наша долина даёт достаточно урожая, чтобы хватило на весь год и для скота, и для нас самих, и даже чтобы засеять поля весной. Иногда урожая столько, что остаётся и на продажу. Но зимой из-за снега мы отрезаны от всего мира. Только собаки нас охраняют от лесного зверя, а кошки спа-

сают от грызунов. Но произошло нечто странное. Псы один за другим начали хромать, коты стали трусливы, а из домов пропадают и пропадают припасы. Вначале мы понять не могли, что происходит. Ведь вокруг не было ничьих следов.

Патч побледнел.

– Кто... кто это оказался?

– Крысы, – ответила Грета. – Таких мы никогда не видели. Крупнее и умнее тех, что когда-либо встречались здесь. Мы не можем справиться с ними. Они не взяли ни одной отравленной приманки. Не попались ни в одну ловушку. – Грета сокрушённо покачала головой. – Ничего не помогает. Они жуткие, Патч. Сейчас хозяйничают в амбаре, в самом центре деревни, но мы даже не пытаемся их травить. Им там слишком хорошо, тепло, сытно. Куча еды на несколько недель вперёд. А когда они всё съедят, то найдут наши тайники и сожрут остатки. И тогда... – Голос Старейшины сорвался, на мгновение она прикрыла глаза. – Пока никто из жителей не пострадал. Ни один человек. Но когда зерно закончится, всё будет ещё хуже.

Патч смотрел на неё в ужасе.

– Хуже? Это как?

– Мы не сможем уйти из деревни, а крысам того и надо. Когда они съедят нашу еду, то придут есть нас. Теперь понимаешь, почему мы в таком отчаянии?!

– Крысы, – задумчиво произнёс мальчик, вспоминая, чему его учили. – Флейтисты часто помогают избавиться от

крыс, от мышей, даже от тараканов. — Он пробежался пальцами по флейте и улыбнулся, поняв, что они сами собой наигрывают необходимую Песнь. — Странно, — вдруг проговорил он, — я не помню почти ничего, но как играть, кажется, знаю.

— Нам давно следовало позвать Флейтиста, — сказала Грета. — Только некоторые сельчане боялись этого.

— Боялись? — удивлённо переспросил Патч. — Почему?

— Они помнят, что случилось в Гамельне.

Патч открыл было рот, чтобы ответить, но в этот миг воспоминание о Том Крысолове обожгло ему лицо, точно пощёчина.

Величайший позор Флейтистов. Десять лет назад в городе под названием Гамельн случилось нашествие крыс. Туда пришёл Флейтист со злым сердцем. Вначале он избавил город от грызунов, а потом сыграл другую Песнь. И увёл за собой всех детей. С тех пор никто не знает, что с ними случилось. Того Крысолова схватили и бросили в темницу, но он всё равно ничего не сказал.

Флейтисты веками пользовались доверием, их честь и доблесть не подвергались сомнению, они свободно странствовали по миру в поисках работы — помогали возвращать посевы или указывали подходящее место для колодца. Они честно договаривались о цене и честно выполняли свою работу.

Но Гамельнский Крысолов подорвал это доверие. После

того события флейтисты уже не могли просто так предлагать свои услуги. Им нужен был вызов. Официальный. Только вызов вселял людям уверенность: этот Флейтист точно поможет и не навредит, ему можно доверять.

– Пусть не боятся, – ответил Патч и, откинув одеяло, спустил ноги с кровати. – У нас мало времени. Где моя одежда?

– Та, что была у тебя под сюртуком, готова, – сказала Грета. – Но сначала поешь и отдохни.

– Ерунда! – воскликнул мальчик. – Пока я тут отдыхаю, крысы пируют в амбаре!

«Ох, неужели они так ужасны, как говорит Грета? – в глубине души ужаснулся мальчик. – Люди, конечно, напуганы, но у страха глаза велики. Я прогоню крыс, и тогда жителям деревни будет нечего бояться!»

Флейтист попытался встать, но, сделав несколько движений, стал задыхаться и рухнул на кровать.

– Видишь? – вздохнула Грета. – Ты ещё слаб, два дня лежал без сознания. Обязательно нужно поесть и отдохнуть ещё. Это прибавит сил. А с крысами завтра разберёшься!

Старейшая была права – Патч почувствовал голод. Ему точно нужны еда и отдых.

– Завтра! – согласился он.

Мальчик съел всё, что ему принесли на ужин, и снова заснул, на этот раз здоровым сном. Утром, после порядочной порции рагу на завтрак, Патч оделся и размял пальцы.

Вспомнить *что-то очень важное* ему никак не удавалось, но уверенность, что он сможет играть, не покидала, а сейчас, как ему казалось, это самое главное.

В дверь постучали, и в комнату вошла Старейшая. – Ты готов?

– Почти, – ответил Патч. – Сперва нужно понять, как избавиться от этих крыс! Где можно их утопить?

– Идём, – сказала Грета.

Через деревню протекала не слишком широкая, но очень бурная речка. Над ней жители построили деревянный мост. Флейтист и его спутница прошли немного вниз по течению и очутились у обрыва, где река переходила в ревущий водопад.

– Он называется Бормотун.

– Бормотун? – переспросил Патч. – Не слишком ли... просто?

– Его называли так триста лет назад, когда поставили здесь первые дома, – пояснила Грета. – В те времена река была всего лишь ручейком. Всё меняется. – Это точно!..

Музыкант осторожно подошёл к краю обрыва и заглянул вниз. Вода падала с огромной высоты и с грохотом разбивалась об острые камни далеко внизу. Крысы не смогут выплыть отсюда, они погибнут. «Отличное место!» – решил мальчик.

Когда они с Гретой вернулись, сельчане уже собрались у дуба, растущего на центральной площади деревни, и радостно приветствовали Флейтиста. Он помахал им в ответ. Грета

подвела его к огромному амбару, который облюбовали крысы.

Голоса постепенно стихли, люди ждали, когда Флейтист заиграет нужную Песнь. Грета подошла к дверям амбара и сняла цепи, которые накрепко, крест-накрест пересекая вход, держали высокие двери плотно закрытыми. Она встала в замок огромный ключ и повернула его. Обернувшись к Патчу, Старейшая дождалась, пока он кивнёт, и медленно потянула двери на себя. Затем она быстро отошла назад и встала рядом с музыкантом. Люди во все глаза смотрели на мальчика.

Он сперва замер точно статуя, потом побледнел и рухнул на спину без сознания.

Паттерфолльский Крысолов

Очнувшись, Патч почувствовал спиной холодный камень брусчатки. Грета обеспокоенно глядела на него.

– Дай руку, – прошептала она, помогая подняться.

– Давайте ещё раз, – произнёс Патч, крепко сжимая руку Греты и часто дыша.

Ему ужасно не хотелось снова увидеть то, что скрывали высокие двери амбара, но иного пути не было. Патч заглянул внутрь.

Крысы...

Они спали среди зерна, мешков с семенами и кукурузой. Они спали втроём, вдесятером и – Патч поёжился – даже более чем вдесятером. Коричневые, серые, пятнистые, длинные и не очень. У одной на хвосте от самого основания до кончика виднелись причудливые красные кольца.

Они крепко спали и все без исключения были сытыми и очень толстыми. Некоторые не могли даже свернуться в клубок и во сне напоминали огромные мохнатые кабачки. Самая жирная крыса и вовсе походила на тыкву – кажется, она не смогла бы двинуться с места, даже если бы очень захотела. Её лапки торчали вверх, а раздувшееся тело промяло порядочную яму в куче зерна, на которой она лежала.

Крысы не издавали ни звука, хотя, возможно, наберись Патч смелости войти, он бы услышал настоящий крысиный храп.

Довольный храп.

Храп огромных крыс.

Тысяч огромных крыс.

Он обернулся к Старейшей и открыл было рот, но ничего не смог сказать. Не было слов.

– Ты думал, я преувеличиваю?

Патч кивнул, затем глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

– Это тяжело? – спросила Грета.

Мальчик видел, что надежда оставляет Старейшую.

«Ну уж нет, – подумал он. – Я не сдамся. Я нужен этим

людям и, в конце концов, обязан им жизнью».

Правда акт одинокого самопожертвования явно не соответствовал ситуации – Патч был не один, все жители угодили в ту же ловушку.

Хотя пока крысы выглядели вполне миролюбиво: они сладко спали, и нужно было включить фантазию, чтобы представить, как они набрасываются на человека, разекая кровавые пасти.

Мальчик поёжился. Он слишком явственно представил эту картину и, обернувшись, сказал Старейшей:

– Игра на флейте... – Его голос сорвался. Откашлявшись, Патч начал снова, уже увереннее: – Игра на флейте способна сотворить настоящие чудеса. Например, чтобы избавиться от вредителей, нужно исполнить Песнь, которая называется «Грёзы». Крысы слышат её, представляют себе что-то приятное, что-то для них желанное и идут на зов мелодии.

У мальчика в горле пересохло, стоило ему снова взглянуть в амбар. «Их... их так много! Больше, чем я мог представить. Но лучше об этом не думать – и тогда неважно, десять их, двадцать или...»

Мальчик достал флейту из внутреннего кармана сюртука. «Грёзы», – Патч радовался, что помнит, как играть. Его пальцы уже скользили по флейте, нащупывая нужные отверстия в той самой последовательности, что поведёт этих тварей к неминуемой гибели. Он поднёс флейту к губам и заиграл.

Он начал с простой мелодии: шесть нот повторялись с незначительными вариациями. Патч сыграл фрагмент шесть раз подряд и опустил флейту. Но мелодия продолжала звучать. Старейшая удивлённо прошептала:

– Она... она всё ещё *играет*...

– Конечно, – кивнул Патч. – Иначе нельзя будет добавить переход, припев, новый слой – ведь именно в нём вся сила Песни.

Патч заиграл следующую мелодию, которая удивительным образом переплеталась с первой. Будто эти две темы то сближались, то отдалялись друг от друга. Старейшая просто сияла, стоя рядом с музыкантом, *улыбка счастья* не сходила с её лица.

Патч доиграл вторую мелодию до конца и тут же начал третью, потом ещё и ещё. И вот пришло время *настоящей работы*. Общее звучание изменилось, и теперь музыка рассказывала о том, *что могло бы быть*.

Мечта. Мечта сбывалась.

Пальцы Патча так легко скользили по флейте, точно для игры не требовалось никаких усилий. Но вдруг он нахмурился и перестал играть, опустив руки. Звуки Песни постепенно стали угасать. Он с тревогой обернулся к Старейшей.

– Что не так? – тревожно спросила она.

Мальчик услышал звук, который шёл из толпы. Звук восторженных аплодисментов.

Глядя то на Грету, то на жителей деревни, собравшихся послушать его игру, мальчик растерянно спросил:

– Почему они хлопают?

– Они никогда не слышали ничего подобного, – ответила Грета. – Это... это было... – Она покачала головой, пытаясь подобрать нужные слова. – Это было так *прекрасно*!

– Может, и так, – вздохнул Патч. – Но толку от Песни *никакого*. – И он кивнул на амбар. Крысы даже не шелохнулись. – Я не понимаю! Они должны были пойти за Песней. *Должны были* пойти за своими грёзами!

Мальчик продолжал что-то растерянно бормотать, пока Старейшую не осенило, что именно пошло не так.

– Патч, да ты только посмотри на них! – она вновь заглянула в амбар. – Разве эти крысы не достигли своей мечты? Полно еды, тепло – о чём им ещё мечтать! Какие у них могут быть *грёзы*!

– Точно! – воскликнул Патч, хлопнув себя по лбу. – Думай, думай! – приказывал он сам себе. И напряжённо ходил из стороны в сторону перед амбаром, сложив руки за спиной, – Погодите! Есть ещё один способ. Но он немного... м-м-м... немного *необычный*.

На самом деле *необычный* – совсем не то слово, которое ему хотелось сказать. Грета правильно поняла, почему Песнь Грёз не подействовала на крыс. Но дело было не толь-

ко в этом. И Флейтист судорожно пытался вспомнить что-то ещё – что-то очень *важное*.

«Наверняка я что-то забыл из того, чему меня учили», – в ужасе думал Флейтист. И *явственно* представил, что произойдёт, если ему не удастся изгнать крыс из деревни – они с наслаждением будут лакомиться его уже бездыханным телом.

И тут мальчика *осенило*. Песнь Невиданной Силы и Чистоты! Только это поможет – он был уверен. Играть её он умеет особенно хорошо. Но... кое-что в этой Песне было *неправильным*.

С тех пор как Крысолов из Гамельна совершил свое чёрное дело, эту Песнь запретили исполнять всем флейтистам. Издали специальный Закон и запретили. Так Песнь оказалась вне закона. Именно это он чуть было не объявил собравшимся. «Немного *незаконный способ*», – едва не сорвалось с его губ. Необычный способ – так было проще. Спокойнее.

Патч попробовал вспомнить, как карают флейтистов за нарушение Закона. Но в памяти его всплыл единственный образ флейтистов в пёстрых чёрно-пурпурных одеждах. Того самого настоящего Флейтиста. «*О да*, – подумал он, – именно *их*».

Это были *флейтисты* Высшей Стражи, которых вызыва-

ли. Если какой-нибудь музыкант нарушал Закон, именно эти *стражи* приходили за ним и призывали к ответу.

Но сейчас ведь тот самый случай, который даже Высшая Стража сможет правильно понять. Патч просто вынужден сыграть эту Песнь.

– Это Песнь Танца, – проговорил он, поднёс флейту к губам и заиграл.

4

Песнь Танца

Звук за звуком, нота за нотой Песнь Танца обретала форму. И с каждым звуком в сердце Патча росла знакомая радость. Наконец Песнь сложилась. Сперва казалось, что крысам нет до неё дела, но вот одна шевельнулась – та самая, со странными рисунками на хвосте. Поднялась, зевнула во всю пасть, приняухалась и заметила Патча. Она вскинула лапки – точно как человек, когда вскрикивает, всплеснув руками. Потом заметалась, пища и мотая головой, будто пытаясь пре-

дупредить остальных.

«Как странно!» – подумал Патч.

Странная крыса даже пыталась зажать лапами уши, чтобы не слышать музыки, – будто это могло помочь! Но не прошло и нескольких секунд, как её задние лапы начали при-топывать в такт мелодии. Страх Флейтиста уходил по мере того, как крыса раскачивалась всё больше, попавшись в ловушку Песни Танца. Флейтист знал, что гадкая тварь больше не сможет думать ни о чём, кроме музыки и порабошающего волю наслаждения, в котором будет пребывать до своего последнего вздоха.

В центре амбара оставалось свободное место – именно туда направилась околдованная крыса. Другие, одна за другой, просыпаясь и прислушиваясь, присоединялись к ней, равномерно покачиваясь и подпрыгивая в такт Песне Танца. Крысы собрались в хоровод, танцуя на задних лапках, передними вцепившись друг в друга.

Вокруг них уже начал образовываться следующий крысиный круг.

«Работает! – с облегчением и радостью думал Патч. – Работает!»

Скоро таких кругов стало десять, а крысы, появляясь из разных закоулков амбара, всё прибывали и прибывали. Они двигались то в одну сторону, то в другую – мерзкие твари лучились невиданным счастьем, их радостный писк слышался даже сквозь музыку.

Центр амбара был почти заполнен, но крысы танцевали уже повсюду, где застала их колдующая музыка. Самые толстые, неспособные стоять на задних лапах и двигаться в танце, просто дёргали лапками и качали головой, повизгивая в такт остальным.

Теперь уже все, совершенно все крысы были околдованы и полностью поглощены танцем.

«Пора! – подумал Патч. – Пора вести их к водопаду!»

Он отступил от амбара. Крысы, объединяясь в пары, двинулись следом. Самых толстых они катили перед собой, не прекращая танцевать.

Патч бросил взгляд на жителей деревни, охваченных сильным волнением. Но им не о чем было беспокоиться – музыка работала! Мальчик свернул к мосту, откуда собирался направить крыс в воду, поддерживая свой музыкальный гипноз, пока они не достигнут обрыва и не свалятся в водопад.

Старейшая уже бежала к мосту – зрелище, когда тысячи крыс, словно бурлящая текущая масса, вываливаются на улицу, кого угодно обратило бы в бегство.

Однако Патч не мог спешить. Продолжая играть, он осторожно шёл спиной вперёд, постоянно оглядываясь, чтобы не споткнуться. Сотни... нет, тысячи крыс, непрерывным потоком, выплёскивались на площадь, следуя за Флейтистом стройными рядами.

Если бы мальчик шёл обычным шагом, то путь к мосту за-

нял бы меньше минуты. Но крысы двигались очень медленно. Музыкант должен был их ждать, продвигаясь вперёд еле-еле. Всё это время пальцы его продолжали играть.

Остановившись в центре моста, Патч направил крыс в воду. Рядами прыгали они в реку и продолжали танцевать в воде, собираясь в круги, и течение уносило их всё дальше и дальше. Животные двигались совершенно синхронно то в одну сторону, то в другую, то ныряя, то показываясь на поверхности. Вода в реке словно кипела.

Когда в реку погрузилась уже добрая треть околдованных крыс, Патч бросил взгляд на обрыв, где начинался водопад. Старейшая, которая всё время была рядом с ним, посмотрела туда же.

– Может, это жестоко? – прошептала она. – Посмотри, они даже не понимают, что их ждёт!

Патч мотнул головой и оторвался от флейты.

– Они будут танцевать до самого конца и будут счастливы.

– А мы будем свободны! – воскликнула Старейшая. – Деревня спасена! – неожиданно, в приливе чувств она заключила Патча в объятия, но быстро отступила назад, виновато склонив голову.

Патч улыбнулся. Его тоже переполняли эмоции, но и усталость брала своё. Казалось, он держится на ногах только благодаря радости от осознания, что Песнь Танца работает и скоро всё будет сделано. Он держался только благодаря творческому порыву, но на грани нервного перенапряжения –

мальчик так и не успел окончательно выздороветь после тяжёлого перехода через ледяную долину.

Жители деревни радовались всё больше. Грета радостно махала кричащей толпе. Патч тоже коротко взмахнул рукой, но тут же вернулся к флейте – Песнь могла угаснуть, если слишком долго её не поддерживать. Он смотрел и смотрел на крыс, половина которых уже скрылась под водой.

И никто, никто и никогда не сможет обвинить его в том, что он не сразу заметил одну важную вещь: жители деревни не просто радовались. Они начали пританцовывать!

«Скоро всё закончится», – подумал Патч, наблюдая, как самые первые ряды крыс уже вот-вот рухнут в водопад, при этом последние уже ступили в воду.

Он обернулся к Старейшей, ожидая увидеть на её лице радость победы. Но Грета не смотрела на крыс. И не смотрела на музыканта. Её взгляд устремился куда-то вдаль – она смотрела на жителей деревни. Патч повернулся и в ужасе расширил глаза. Да, люди тоже танцевали. Ритмично, синхронно, выстроившись в колонну, они всё быстрее приближались к реке. На их лицах сияли улыбки счастья и блаженства.

– О нет! – в ужасе воскликнул Патч.

– Что происходит? – с тревогой спросила Грета.

– Они тоже слышат Песнь Танца, она околдовала их!

Флейтист посмотрел на крыс в реке, затем перевёл взгляд на людей. Продолжая играть, он попытался разделить мело-

дию так, чтобы грызуны продолжили свой путь, а люди перестали реагировать на музыку и остановились. Но быстро понял, что так не получится.

«Другой вариант, – лихорадочно думал он. – *Подождать, пока почти все крысы упадут с обрыва, и сразу закончить игру*».

Но люди двигались всё быстрее, намного быстрее, чем гнусные твари подплывали к обрыву. Значит, жители деревни, танцующие в первых рядах, очень скоро окажутся в реке – и гораздо быстрее, чем крысы упадут в водопад!

Слишком рискованно! Он видел, что танцуют даже дети, а ведь они не умеют плавать и *утонут*, едва окажутся в воде!

Музыкант попытался добавил контрритмы, которые должны замедлить Танец. Так люди пойдут тише, а течение своим чередом унесёт ненавистных крыс – по крайней мере, их большую часть.

Но ничего не помогало. Жители деревни слишком увлеклись и уже подходили к воде. Старейшая схватила мальчика за плечо.

– Патч! Сделай же что-нибудь!

Но даже если он просто перестанет играть прямо сейчас, Песнь продолжится и будет угасать слишком долго. Поэтому, когда первые ряды жителей вступили в холодную реку, Патч понял, что остался последний и единственный выход. Он оторвался от флейты и сломал её пополам.

Песнь Танца утихла в одно мгновение. Улыбки на лицах

людей погасли. Те, кто обнаружил себя в холодной воде, озадаченно озирались, глядя на свои мокрые ноги. Крысы в панике запищали и устремились к берегам. Люди смотрели, как грызуны помогают друг другу выбраться из воды – совсем как люди – и изо всех сил несутся обратно к деревне.

Сердце Флейтиста сжалось. Он был так близок к победе! Но теперь всё придётся начинать заново, как только он наберёт достаточно сил, чтобы...

Но вдруг один селянин, стоявший ближе прочих к мосту, поднял трясущуюся руку и указал на музыканта.

– Он пытался убить нас! – закричал мужчина.

– Нет, я... – начал было Патч.

– Он почти утопил нас! – поддержал другой.

Старейшая выступила вперёд.

– Постойте! Вы неправильно поняли!

Но обвинения звучали всё громче, и ярость жителей деревни нарастала. Казалось, вся деревня жаждет его крови.

– Он такой же, как Гамельнский Крысолов! – кричали они. – Испорченный, злой! Заприте его и выбросите ключ!

– Грета... Грета? – прошептал испуганный Патч. – Вероятно, мне стоит... сбежать?

Она отрицательно замотала головой.

– Если ты побежишь, они загонят тебя, как бешеного пса. – Твой единственный шанс – объяснить им всё.

– Он околдовал Старейшую Грету! – закричал кто-то из жителей.

Глаза Старейшей сузились от гнева.

– *Никто меня не околдовал!* – прокричала она, и все жители разом затихли, точно нашкодившие дети, пристыженные матерью. – Эй, вы все! Успокойтесь и слушайте! Я всегда говорила, что решение, принятое в гневе, ни к чему хорошему не приведёт!

Люди закивали, что-то бормоча. Кто-то согласился с Гретой, но было видно, что таких слишком мало.

Для бедного мальчика происходящее было настоящей пыткой. Куда бы он ни взглянул, всюду встречал подозрительные, колкие, полные ненависти взгляды. Он почувствовал, что всё кончено, что участь его решена. И единственный шанс спастись – это бежать, бежать без оглядки. И вот, окончательно потеряв веру, он совершил ужасную ошибку.

Он побежал.

Жителей деревни это застало врасплох. Но едва мальчик пересёк мост, многие уже мчались за ним.

– Не делайте ему больно! – кричала им вслед испуганная Грета.

Патч ещё не понял всей глупости своего поступка – напротив, увидев дорогу к деревне, он обрёл надежду на спасение. Укрытая чистым белым снегом, она совершенно не казалась ему... непроходимой! Он сможет убежать от этих людей! Он сможет...

Внезапно мальчик провалился в снег – по колено, затем по пояс: это был слишком глубоким, чтобы по нему *бежать*.

И даже просто идти. Потеряв равновесие, Патч упал лицом в снежный пух. Выкарабкиваясь, стряхивая снег с лица, мальчик обернулся. Ноги под ним подогнулись – преследователи были уже рядом.

– Сбросьте его с водопада! – кричал кто-то, потрясая кулаком. – Посмотрим, как ему это понравится!

Эти крики вызвали одобрительные возгласы остальных. Возможно, Грета смогла бы остановить их. А если нет? Кто знает... Патч настолько устал, что ему уже было почти всё равно.

Внезапно люди остановились и затихли, глядя куда-то ему за спину. Обернувшись, Патч увидел, как ветви деревьев дрожат, а издали несётся на него снежный вихрь, будто сам воздух сворачивается в кольца. Глубокий снег, покрывавший дорогу, разлетался в разные стороны – кто-то стремительно мчался прямо сюда.

– Он вызвал Дьявола! – закричал кто-то из жителей и побежал прочь.

Его спутник, охваченный ужасом, бросился следом, а остальные застыли на месте.

Но мальчик больше не слышал их. Сквозь их грубые крики он различал иные звуки – знакомые ритмы, знакомая мелодия донеслась до него сквозь ветер.

И когда белые вихри утихли, Патч не удивился тому, что увидел. Две лошади мчались к нему по белоснежной дороге – Патч узнал всадников, облачённых в чёрно-пурпурные

мантии Высшей Стражи.

В изнеможении мальчик уронил голову на снег, содрогаюсь то ли от смеха, то ли от рыданий. Он в безопасности! Теперь жители деревни не смогут навредить ему.

Патч услышал, как лошади остановились, как заскрипели по снегу сапоги, когда один из всадников спешил и подошёл к нему. Удивительно, лицо этого человека показалось знакомым.

– Патч? – спросил тот. – Патч Брайтвотер?

«Я знаю тебя, – подумал мальчик, приподнимаясь, чтобы лучше разглядеть знакомые черты. – Откуда я тебя знаю?»

С той самой минуты, как музыкант пришёл в себя в Паттерфолле, его сознание неустанно искало ответ на вопрос: что же такого важного он позабыл, вспомнив о чём вспомнит всё?

И вот он вспомнил! Патч Брайтвотер вспомнил всё. И это воспоминание захватило его целиком.

– О... не-е-е-ет, – с горечью простонал беглец, вновь роняя голову на снег. Он не был Флейтистом! Он позорно бежал из Тивискана, так и не завершив курс обучения.

Только теперь он окончательно осознал, в какую беду попал.

Выдающаяся крыса

Патчу снился сон.

Мать вела его за руку, и он, как никогда, был совершенно, абсолютно счастлив от этого.

Мальчику было всего лишь три, когда его родители умерли, и мальчик остался с бабушкой и дедушкой.

Он ничего не помнил о своём отце, а единственное бесценное воспоминание о матери – это как он держит её за руку и снизу вверх на неё смотрит, и она улыбается ему.

Проснулся мальчик в маленькой комнате с каменным полом и крошечным окошком в стене, на полу лежал тонкий матрас вместо кровати. В помещении было холодно, очень холодно. Если бы не плед и овечья шкура, которой кто-то его укрыв, мальчик наверняка бы умер от холода.

Мальчик пошевелился. И ощутил на лодыжке холод и тяжесть металла. «Кандалы», – догадался он. Закутавшись в плед, мальчик переводил взгляд от кольца к кольцу тяжёлой цепи, пока не упёрся в стену. Из маленького окошка мальчик

смог разглядеть амбар, двери которого были снова надёжно заперты. Одежда его осталась прежней, только сюртук пропал. На полу стояли жестяная миска с двумя ломтями чёрствого хлеба и плошка с водой.

Услышав звон ключей, Патч повернулся к двери: вошёл *тот самый* Первый Флейтист, благодаря которому к мальчику вернулась память. Пятнадцатилетний Эрнер Витлок, один из трёх лучших учеников, – Патч с ними учился.

– Эрнер, – поприветствовал его Патч, глядя на богатую пурпурную вышивку на чёрных одеждах. – Высший Страж! Тебе очень идёт эта форма! Я знал, что ты успешно пройдёшь испытания.

Эрнер кивнул.

– Жаль, что тебя не было с нами, – отозвался он. – Пришлось нам троим отдуваться, но мы справились.

– А где ребята сейчас?

– Морт и Кара? Морт стал подмастерьем у Морских Флейтистов в Южных морях, Кара, как и я, выбрала Высшую Стражу. Сейчас она в Скамосе.

Патч отлично помнил их обоих. Морт – высокий, крепкий парень, всегда любивший море, прекрасно приживётся среди Морских Флейтистов, которых нанимают на торговые корабли. С помощью флейты они управляют ветрами и отгоняют морских разбойников, которых немало в Южных морях. Кара всегда была наравне с Эрнером, за что бы они ни брались. Скамос – важное место, единственный город, остав-

шийся на континенте, известном как Земли Драконов, где живут люди. Мир между людьми и драконами всегда был хрупким, и Скамос служил границей, где пытались ужиться обе стороны. Высшая Стража из всех сил старалась не допускать столкновений.

– Пираты и драконы, – произнёс Патч. – Как раз то, о чём мечтал каждый из них. Рад слышать!

Эрнер шагнул вперёд и внезапно крепко обнял его. – Я скучал, Патч. Мы все скучали!

На мгновение Патч потерял дар речи. Слишком тяжело было думать о том, что он оставил в Тивискане. Ещё полгода назад мальчик, как и его друзья, знал о своём будущем наверняка – что его ждёт славная карьера в Высшей Страже, которая вершит суд и несёт помощь тем, кто в ней нуждается. Но он отверг всё это, сбежал из Тивискана, пытаясь как-то заработать на жизнь. А сейчас... Сейчас о будущем и вообще не хотелось думать.

– Значит, – произнёс он наконец, меняя тему, – теперь ты подмастерье Витлок!

– До сих пор звучит непривычно, – признался Эрнер.

Подмастерьем юноше предстояло быть два года, после чего он становился Мастером, что было первым настоящим рангом Высшей Стражи. Патч вспомнил вторую фигуру, которую видел на дороге.

– А *тот*, к кому ты приставлен? У него какой ранг?

– Магистр, – ответил Эрнер.

– Впечатляет! – оценил Патч. Магистр – высший ранг, и они не часто брали себе кого-то в подмастерья. – А который из них?

Эрнер неловко улыбнулся, и Патч готов был поручиться, что тот почти смущён.

– Магистр Стоун.

Патч вытаращил глаза.

– Святые небеса, Эрнер. Рандел Стоун?!

– Он самый.

Патч, услышав имя магистра, даже не знал, как реагировать. С одной стороны, мальчик был искренне горд за своего друга, которого взял в подмастерья столь легендарный человек: Стоун ведь был *Одним из Восьмерых* – тех самых героев, что поймали Гамельнского Крысолова.

С другой стороны, его охватило глубокое отчаяние от осознания, в чьих руках сейчас его собственная судьба. Потому как, если верить рассказам, Рандел Стоун не знал жалости.

– Магистр готовится изгнать крыс из деревни, – сказал Эрнер. – А мне приказано допросить тебя насчёт... недавних событий.

– Подожди, – попросил Патч. – Высшие Флейтисты тоже изгоняют крыс?

– Ты же видел, сколько их тут! И люди хорошо помнят, что случилось в Гамельне! – ответил Эрнер. – Поэтому на кону доброе имя всех флейтистов! Мы оказались в Вэссиле, когда туда прибыл гонец с просьбой о помощи. Магистр

тотчас вызвался ехать сюда. И прибыли мы как раз в тот момент, когда эта разъярённая толпа собиралась расправиться с тобой. По словам местных жителей, ты вышел из леса: замёрзший, едва живой, ничего или почти ничего не помнил. Они предположили, что именно ты – тот Флейтист, за которым посылали. Ты предположил то же самое. Что ты делал в том лесу?

– Я... странствовал, проезжал неподалёку, – ответил Патч. – Ехал с семьёй торговца. Его повозка сломалась, они забрали лошадь и ушли, бросив меня в лесу. Никто не знал, как опасны эти места зимой.

– Люди рассказали, что с ними произошло, когда ты пытался извести крыс.

Патч склонил голову.

– Я нарушил Закон, – горестно проговорил он. – Сыграл Песнь Танца. Но я не хотел подчинять и уводить людей! Веришь?

Эрнер кивнул, печально глядя на друга.

– Есть ещё кое-что, Патч, – сказал он. – Причина, по которой мы с Ранделом Стоуном направились в Вэссил. Нам нужно было пролить свет на одну тайну и расследовать её.

– Продолжай. – Патчу очень не нравились эти новости.

– Пару месяцев назад до Совета Флейтистов дошли слухи о странствующих музыкантах, чья музыка была неопишимо хороша. Все свидетели говорили одно и то же: люди плясали под неё так, как никогда в своей жизни. Судя по всему, среди

музыкантов скрывался некий *флейтист*, который играл *ту самую* запретную Песню – ту, что ты сыграл для крыс, Патч. Песнь Танца.

– О боже... – выдохнул Патч. Ему совсем не нравилось то, к чему всё идёт.

– Совет насторожился и того больше, ведь описания таинственного *флейтиста* были самыми разными. В одном месте видели высокую, стройную женщину, в другом – низкорослого толстяка. Где-то говорили, что он очень юн, а где-то – что совсем стар. Совет очень напуган, Патч. Напуган! *Тот флейтист* довольно силен, если может ежедневно менять свой облик. И при этом его никто не знает! Никаких общих знакомых ни с кем у него нет. Злой, опасный Флейтист, как предположил Совет. *Играющий* с нами и среди нас. Тогда Совет направил Рандела Стоуна поймать его. И меня, как подмастерье Магистра, вместе с ним.

Патч закашлялся.

Когда он бежал из Тивискана, чтобы заработать на пропитание, жилось ему непросто. Мальчик умел только играть на флейте. Но не мог открыто предлагать свои услуги, потому что остался студентом, не окончившим обучение.

Спустя неделю, голодный и уставший, Патч встретил странствующих музыкантов, едва способных прокормить самих себя. Он попросил их принять его, но у них уже был флейтист.

Тогда появилась эта идея.

Мальчик рассказал им о прекрасной мелодии, о морском напеве, которого они никогда не слышали, и убедил их попробовать. И пока музыканты исполняли его, Патч стоял в стороне и тихонько наигрывал Песнь Танца, вызывая у слушателей состояние блаженства, необъяснимой радости и небывалого счастья. Разумеется, музыкантам хорошо заплатили, и благодарные исполнители поделились заработком с ним. Они попросили показать им ещё одну мелодию. И ещё...

Так он и прожил семь месяцев после побега из Тивискана: подыгрывая то одним музыкантам, то другим, то третьим – совсем немного, пару недель, чтобы не вызывать ни у кого подозрений.

Он вспомнил всех, с кем выступал, всех флейтистов – и высокую стройную женщину, и низкорослого толстяка. И ребёнка, и старика.

Тем временем до Совета дошли слухи *о страшном и злом флейтисте*. Но расхождения в его описаниях теперь нашли объяснение – всё это были действительно разные люди.

«Я напугал Совет», – в смятении думал Патч.

Он открыл было рот, чтобы признаться, но замер, увидев во взгляде Эрнера невыразимую боль.

– Ты уже знаешь, что это был я, – еле слышно прошептал Патч.

Эрнер кивнул.

– Играть с разными музыкантами – очень умно, – сказал

он. – Потому нам сложно было выследить тебя. Но мы получили известие из Вэссила и отправились туда немедленно. Судя по всему, ты покинул город прямо перед нашим прибытием.

Патч тяжело вздохнул.

– Стали задавать слишком много вопросов. Я понял, что пора уходить, а в тот день город покидал только один торговец.

– Однако судьба всех нас привела в Паттерфолл, – закончил Эрнер. – Магистр Стоун изучил твою сломанную флейту: историю всех спетых ею Песен ещё можно было услышать. Я был просто шокирован, когда узнал, что всё это время мы гонялись именно *за тобой!* – Он тяжело покачал головой. – Но почему, Патч? Зачем было идти на такой риск? Исполнять Песнь Танца, чтобы уничтожить крыс, – это одно. Но для развлечения *людей?*

– Это был мой единственный хлеб, Эрнер! Только так я и мог заработать. Никто ведь не пострадал, и я не думал, что кто-то вообще узнает, что происходит! – Осуждение на лице Эрнера причиняло Патчу почти физическую боль.

– Что ж, – вздохнул он, – вы заберёте меня в Тивискан. Посадите в тюрьму.

Эрнер совсем отчаялся.

– Песнь Танца запрещена! Наказание за нарушение – десять лет.

Подойдя к окну, он несколько секунд молча смотрел на площадь.

– Впрочем, есть надежда, хотя и слабая. Лорды, разбирающие твоё дело, могут вполонину сократить срок. Учнтывая, что это были поспешные действия юного ученика, не имевшего никаких дурных намерений.

– Значит, пять лет, – подсчитал Патч, – если надо мной сжалются.

В этот миг он подумал, не лучше ли было ему погибнуть в снегах.

После ухода Эрнера Патч растянулся на тюремной подстилке. Последняя надежда покинула его. С ней ушли последние силы.

Истощённый, он быстро провалился в беспокойный сон. Станный звук, что-то среднее между скрежетом и шорохом, заставило его очнуться. Что-то едва ощутимо давило на грудь.

Патч открыл глаза. И увидел крысу.

Это была *та самая*, с красными кольцами на хвосте. Она смотрела прямо на него.

Патч тут же вспомнил, как представлял крыс, которые бросаются на него, чтобы растерзать. С резким вскриком он выпрямился и отпрянул, сбрасывая её с себя. Крыса грохнула об пол, но тут же поднялась на задние лапы и, возмущённо взглянув на мальчика, вскинула переднюю лапку.

– Прости, прости! – закричал Патч, кутаясь в покрывало. – Не убивай меня!

Крыса закатила глаза и вздохнула, после чего качнула го-

ловой в ту сторону, куда указывала лапкой.

– Ты... ты здесь не затем, чтобы убить меня? – спросил Патч, лихорадочно оглядываясь в поисках других крыс, готовых разорвать его на части.

Крыса покачала головой и нетерпеливо ткнула лапкой в сторону стены. Проследив за ней взглядом, Патч увидел буквы, нацарапанные мелом на плоском камне. *«Помоги мне»*.

Крыса подняла кусочек мела и поспешила к надписи, не обращая внимания на испуганные всхлипы Патча.

Мальчик гадал, снится ему это всё или он просто сошёл с ума. Ему оставалось только смотреть, как крыса выводит на стене всё новые буквы. Наконец она пискнула, привлекая его внимание, и он прочёл: *«Помоги мне. Я младшая дочь богатого дворянина. Меня проклял Волшебник и превратил в крысу. Тебя хорошо вознаградят!»*

Патч перевёл взгляд на крысу, и та подтверждающе кивнула.

– Ясно, – сказал Патч и зарылся глубже под покрывало. Он явно не спал, а значит, с ума не сошёл.

Через пару секунд он почувствовал, что крыса опять забралась на него. Выглянув, он увидел, как та сложила лапки в умоляющем жесте.

– Нет! – крикнул он. – Ты не настоящая!

Но она продолжал смотреть ему в глаза отчаянно и жалостливо. Крошечная слеза катилась по её острой мордочке.

Патч почувствовал острый прилив невыразимой жалости.

– Так, хватит! – попросил он. – Ну же, перестань плакать! Я помогу. – При этих словах крыса подпрыгнула от радости. – Но почему именно я?

Словно в ответ, снаружи донеслись радостные крики. Патч и крыса повернули головы к маленькому окошку. Затем он поднялся на ноги, крыса тут же вскарабкалась ему на плечо. Подойдя ближе, мальчик выглянул в окно. Жители деревни собрались у старого дуба и внимательно наблюдали, как Магистр Стоун и Эрнер подходят к амбару.

Патч посмотрел на крысу.

– Остальные крысы вернулись в амбар? – спросил он. Та кивнула и легонько стукнула себя по лбу. – Не слишком-то умно? – отметил Патч, и крыса поёжилась. Тогда он всё понял.

– Та-ак! Тебе нужна защита от флейтистов, а кто, как не Флейтист, лучше всего с этим справится! – Крыса кивнула.

– Здесь ты будешь в безопасности, – пообещал Патч, гадая, каким образом Рандел Стоун решил избавиться от крыс. Магистр изучил сломанную флейту Патча, а значит, знал, что Песнь Грёз здесь не поможет. Что же тогда он выберет?

Стоун извлёк флейту, и Патч увидел, что она чёрного цвета. Уже много лет ходили слухи, что флейта Стоуна сделана из самого редкого магического материала в мире – *обсидианка*. Это был вид обсидиана – чёрного вулканического стекла, которое можно найти только в Землях Драконов.

Конечно, флейта была сделана из этого материала не цели-

ком, потому как не находили ещё столь крупного фрагмента обсидиана, да и обработке этот минерал не поддавался. Но если обсидиак раскрошить и смешать с канифолью, флейту вполне можно было покрыть им и залакировать. Подобная лакировка пользовалась когда-то огромным спросом, потому что такие *флейты* обладали невероятной магической силой. Однако в Землях Драконов обсидиак считался священным, и Совет Флейтистов давно запретил использовать его для изготовления новых флейт, чтобы избежать конфликтов.

Магистр поднёс инструмент к губам и начал играть.

Патч вслушивался в первые ноты, пытаясь узнать Песнь.

– Не уверен, что *это то самое*, – нахмурился он. – И безопаснее было бы завязать тебя в простыню, малышка. Тогда, несмотря на попытки тебя подчинить и увести, ты не сможешь двигаться, и...

Он резко замолчал.

Магистр приступил к основной ритмической части. Она показалась мальчику знакомой. В голове его зазвенели тревожные колокольчики.

– О нет! – вскрикнул Патч. – Нет!

Он узнал ритм. Он знал эту Песнь.

Это была Песнь Развеяния – Песнь палача. Ужасная по сути и такая сложная в исполнении!

Однако Магистр сейчас играл именно её, чтобы избавиться от огромной стаи крыс.

Действовала Песнь просто: она бесследно уничтожала тех,

на кого была обращена. Она превращала свою цель в прах, в пыль, которую развеивал ветер.

Патч слушал, содрогаясь от ужаса. Песнь Развеяния действовала только на тех, на кого была нацелена, и Магистр позволял мелодии распространяться, зная, что пострадают только выбранные им жертвы. Сейчас это были крысы. Всякая крыса в пределах деревни будет уничтожена.

Патч не знал, возможно ли как-то защититься от этого.

Крыса зажала уши, пытаясь заглушить мелодию, как делала это во время Танца, но Патч покачал головой.

– Ты слушаешь Песнь не только ушами, – объяснил он. – Ты слышишь её всем своим существом.

Крыса в ужасе смотрела на него.

Патч оглядел маленькую комнатку. Его взгляд упал на посуду.

– Можно попробовать, – пробормотал он. – Скорее! Лезь под миску!

Крыса подбежала к миске, и Патч быстро накрыл её. – Сиди там, – велел он, – что бы ни случилось, что бы ты ни услышала – сиди и не показывайся!

Накрыв посудину ладонями, он лихорадочно думал, что можно сделать ещё. Может, попробовать сыграть Песнь Противодействия, создавая защитный кокон вокруг зверька? Но у мальчика больше не было *флейты*, так что придётся просто свистеть. Задача почти невыполнимая – его обмороженные губы не слушались и всё ещё болели, хотя не так сильно,

как поначалу.

Времени оставалось всё меньше. Песнь Магистра набирала силу. Патч слышал нарастающий говор жителей, которые ощущали силу звучащей музыки.

«Пора», – решил Патч. Одним ухом слушая Песнь снаружи, он начал насвистывать. Контрритм, который он выводил губами, отличался от основной темы Песни Развеяния лишь парой тщательно выбранных нот. Затем мальчик добавил изменённую версию второй мелодии Песни. Без *флейты* он мог исполнять только ритм, затем мелодию и опять ритм, всё по отдельности. Он насвистывал, практически вплотную прижавшись к перевернутой миске.

Защитный кокон появился как раз вовремя. Патч чувствовал, как он окружает зверька, не позволяя Песне Магистра пройти насквозь.

Мальчик весь напрягся как струна, понимая, что *всё началось*. От действия Контр-Песни миска мелко задрожала. Кусочек мела несколько раз подпрыгнул на полу и завертелся на остром кончике, как волчок.

Волосы у Патча встали дыбом, и даже кандалы на лодыжке немного нагрелись.

Песнь Развеяния достигла своего пика и во всей своей силе обрушилась на Патча, едва не сбив его с ног. Мальчику удалось удержать руки на дрожащей миске, но тут его Контр-Песня разлетелась на мелкие кусочки. Снаружи донеслись перепуганные крики деревенских жителей. Затем всё утих-

ло.

Патч убрал побелевшие ладони с перевёрнутой посуды, боясь заглянуть под неё: кто знает, *что* он там обнаружит.

– Эй? – осторожно позвал он. – Эй, крыска? – До его слуха донёлся жалобный писк. – Всё закончилось, ты в безопасности, можешь выходить.

Крыса выглянула, мелко дрожа от страха, и с сомнением посмотрела на него.

– Всё закончилось, – повторил мальчик.

Снаружи оглушительная тишина сменилась неуверенными криками радости.

– Их нет! Смотрите! Все крысы исчезли!

Голоса становились всё громче.

Крыса окончательно выбралась из-под миски и вопросительно посмотрела на Патча. Он понял, что все её друзья мертвы – обращены в пыль и развеяны на сотни миль вокруг.

– Да, – сочувственно кивнул он. – Остальные... их больше нет.

Крыса вся сникла, повесив голову.

Патч выждал несколько мгновений, прежде чем заговорить снова.

– У меня два вопроса, – сказал он. – Во-первых, были ли среди тех крыс ещё люди, которых заколдовали? – Крыса отрицательно качнула головой, вызвав вздох невероятно-го облегчения. – Во-вторых... – Подняв кусочек мела с пола, мальчик протянул его крысе. – Как тебя зовут?

Она написала на стене два слова. Патч улыбнулся. Протянув руку, он взял крысу за лапку и осторожно пожал её.

– Приятно познакомиться, Рен Коббл. Меня зовут Патч Брайтвотер.

Рен ловко взобралась мальчику на плечо и с благодарностью прижалась к его щеке.

6

Дорога в Тивискан

– Сколько тебе лет, Рен? – спросил Патч.

Рен соскочила на пол, взяла мел и написала на стене «13».

– Мне тоже 13, – заметил мальчик. – А ты умеешь читать и писать – видимо, у тебя богатые родители. Я обучался в Замке Тивискан с десяти лет – это бесплатно для тех, у кого есть талант к игре на флейте. Знания пригодятся, ведь я уже никогда не стану настоящим Флейтистом...

Рен нахмурилась.

– Серьёзно, – вздохнул Патч. – Ведь я сыграл Запретную

Песнь. Стража отвезёт меня в Тивискан, там будет суд, потом тюрьма лет на пять. С таким прошлым я уже никогда не стану Флейтистом. – Мальчик вздохнул и перевёл взгляд на стену.

«Тебя хорошо вознаградят!» – написала Рен.

– Рад, что твои родители богаты. Не думай, что я алчный. Просто когда меня выпустят из тюрьмы, твоя награда мне пригодится.

И с грустной улыбкой он склонил голову и закрыл глаза – иначе бы успел заметить, как быстро изменилось выражение мордочки его новой знакомой: оно мгновенно выразило все чувства сразу – от тревоги и беспокойства до вины и безмерного сожаления.

– Зато какую историю ты сможешь рассказать родителям, когда вернёшься домой!

Рен покачала головой и снова стала писать. Патч терпеливо ждал, пока она тщательно выводила каждую букву:

«Лишь когда проклятие будет снято»

– Уверен, твои родители... – начал было Патч, но Рен стукнула лапкой по написанным словам и добавила к ним восклицательный знак.

«Лишь когда проклятие будет снято!»

– Понимаю, – согласился Патч. Мальчик действительно понимал её: ведь его дедушка с бабушкой были уверены, что он всё ещё среди флейтистов. От одной мысли об этом мальчику становилось дурно. Он готов был сделать всё, чтобы держать их в неведении как можно дольше!

– Нам придётся попросить о помощи Высшую Стражу. Кому, как не им, знать, что с тобой делать.

Она упрямо замотала головой.

– Спасти тебя от Песни – одно, Рен, но, находясь в тюрьме, я ничем не смогу тебе помочь. Только Стража поможет, позволь мне поговорить с ними.

Рен снова замотала головой и стала изображать хромящее чудовище. Патч рассмеялся, потому что понял, кого она имеет в виду.

– Это *Рандел Стоун*, – сказал он. – Один из Восьмерых, поймавших Гамельнского Крысолова. Во всём мире нет более уважаемого Стража. Он вовсе не чудовище.

Рен приложила лапку к груди, а после с болезненной гримаской выбросила её вперёд, будто вырвала что-то. Она имела в виду Ледяное Сердце Правосудия – прозвище Стоуна.

Патч вздохнул. Он понимал сомнения Рен, не желавшей отдаваться на милость этому человеку. Хватало историй о том, что Стоун слишком строго относится к нарушителям, а Рен – крыса и, значит, точно виновна в краже еды и запугивании жителей деревни.

– Да, но кто может обвинить его в жестокости и бездушии? – спросил Патч. – Он ведь поклялся найти детей из Гамельна и вернуть их домой целыми и невредимыми. Рандел Стоун и остальные из Восьмерых делали всё, что было в их силах: поймали Гамельнского Крысолова и посадили его в тюрьму в Тивискане. Но детей так и не нашли, и судьба

их до сих пор не известна. Выходит, Рандел Стоун не смог сдержать своего слова. Кто после такого не станет жестоким и бездушным?

Рен сложила лапки на груди. Сказанного ей было явно не достаточно.

– Хорошо, – сдался Патч. – Мы не скажем Стоуну. Но я знаю второго флейтиста, Эрнера Витлока. Он хороший человек, тебе понравится. Я поговорю с ним, когда будет возможность, но мне *придётся* рассказать о тебе, понимаешь? Иного пути у нас нет.

Рен неуверенно кивнула.

– Надо же, я *встречусь* с самим Ранделом Стоуном! – Мальчик вспомнил стишок, который знал каждый ребёнок, – имена Восьмерых. Имена тех героев, которых вызвал Совет Флейтистов для поимки Гамельнского Крысолова: Палафокс, Корриган, Келленфас, Стоун, Казимир, Хинкельман, Древис и Троун. Моя бабушка была отличной рассказчицей, и каждый вечер я слушал легенды о подвигах Восьмерых. Наперегонки со временем они посетили каждый уголок этой земли и отправились дальше, к Восточным морям, пока наконец не поймали Гамельнского Крысолова, чтобы бросить его в темницы замка Тивискан. – Мальчик замолчал, понимая, что в тех самых темницах ему и предстоит провести следующие пять, а может, и десять лет! – Выходит, меня будет судить один из моих героев...

Рен тяжело вздохнула. Отложив мел, она снова забралась

к нему на плечо и свернулась клубочком.

Патч был рад её обществу.

– Отсюда до замка Тивискан по меньшей мере неделя пути, если ехать верхом. Ты была там?

Рен отрицательно покачала головой.

– Это нечто незабываемое, – сказал Патч. – Сам замок стоит на скале, а в ней – подземная тюрьма. Самая глубокая её часть называется Тьмой. Ни один луч света не проникает туда. Разумеется, Гамельнский Крысолов заключён именно во Тьме. В самой глубокой темнице самого глубокого подземелья. Говорят, каждую ночь заключённые слышат его крики. Он кричит и кричит, пока не сорвёт горло. – С этими словами Патч замолчал и закрыл глаза, опустившись на пол.

Тем временем Рен спустилась и снова подняла мел. Она что-то написала, но Патч так глубоко погрузился в свои мрачные мысли, что ей пришлось писком привлечь его внимание.

«Ты слишком молод для тюрьмы», – написала она.

– Нет, – ответил Патч. – Туда бросали детей и помладше меня.

В подземелья Тивискана бросали всех флейтистов, нарушивших Закон. Даже самые маленькие музыканты, впервые обнаружившие в себе способности играть на флейте, могли случайно нарушить какой-либо из законов и оказаться в темнице. Впрочем, Патч знал, что в таком случае их запирали всего на один день, чтобы посильнее напугать и отбить вся-

кую охоту играть запрещённые мелодии. Но он не знал никого из сверстников, кого всерьёз заточили бы в подземелье. Вероятно, он станет первым.

Мальчик видел, что Рен ищет, что ещё написать.

– Слушай, знаю, ты хочешь меня подбодрить, – проговорил он печально, – и я благодарен тебе за это. Но сейчас самое важное, что ты в порядке и я не один.

Рен кивнула. Отложив мел, она отряхнула лапки и закашлялась от меловой пыли.

– С пером и чернилами было бы проще, – заметил Патч.

Представив маленькое острое перышко, он улыбнулся.

– Возможно, Эрнер сможет раздобыть тебе такое.

Тут его осенила внезапная мысль:

– Слышала ли ты о языке жестов мерисакса?

Рен покачала головой.

– Мерисакс – это язык, которым пользуются наёмники и пираты. Я мечтал присоединиться к Высшей Страже, а знание этого языка было необходимым условием, поэтому я много времени и сил потратил, чтобы как следует изучить его... Мечта, которая разбилась вдребезги...

Мальчик тяжело вздохнул.

– Так или иначе, чтобы на нём говорить, тебе нужны только руки. Этот язык позволяет общаться не произнося ни звука, что очень удобно, например, в засаде, чтобы не выдать себя. Или на поле боя, где ничего не слышно. Или в шумной таверне. Словом, в любой ситуации, когда ты вынужден мол-

чать. – Мальчик выразительно посмотрел на Рен в надежде, что та его правильно поймёт. В ответ он увидел выражение радости и явного интереса.

– Давай я покажу тебе несколько фраз, самое основное!

Крыса кивнула и села напротив, с любопытством глядя на Патча.

– *Да. Нет*, – сказал мальчик, направляя большие пальцы сперва вверх, затем вниз. – *Поторопись. Помедленнее. Иди сюда. Уходи*. – После каждого слова он давал Рен время повторить жест. – *Продолжай идти. Ты дурак. Передай ром*.

Затем он чиркнул пальцем по горлу.

– *Убей*, – пояснил он. – Вообще, есть множество вариантов этого слова. Огромное множество. Таковы уж пираты и наёмники, полагаю. *Убей быстро. Убей медленно. Убей всех. Не убивай никого*. На секунду мальчик задумался. – Хотя последнее вряд ли используется слишком часто. Так, что ещё.... *Не делай этого здесь. Я ранен. Ты ранен. Перевяжи раны. Ты горишь. Корабль горит. Корабль тонет. О нет, это акула. Возможно, стоит убить капитана ...*

Рен, сосредоточившись, тщательно повторяла каждый жест.

Патч продолжал.

– *Ты ужасно пахнешь. Беги прочь. Сделаешь это снова – я убью тебя*. Для последнего важны глаза, – пояснил Патч. – Иначе слишком похоже на «передай ром» – полагаю, именно это выражение стало причиной для многих драк... Ну, что

скажешь?

«Да, убей всех. О нет, это акула», – ответила Рен. – Что ж, – вздохнул Патч. Для начала – сойдёт.

Эрнер Витлок вернулся только спустя несколько часов, и Рен к тому моменту достигла немалых успехов в изучении мерисакса. Патч был уверен, что скоро она освоит его полностью – а ведь у него самого ушло на это несколько месяцев.

Когда в замочной скважине заскрипел ключ, Рен спряталась под плед. Патч встал навстречу Эрнеру.

– Твой сюртук, – сказал тот. – Скоро мы выдвигаемся.

Патч надел сюртук, порадовавшись знакомому теплу, но взглянул на Эрнера и понял, что тот чем-то очень обеспокоен.

– Всё в порядке? – спросил он.

Эрнер нервно улыбнулся.

– Мне стоит задать этот вопрос тебе. Патч, я хочу, чтобы ты знал, что я... – Он замолчал и тряхнул головой. – Мне жаль, что всё так сложилось!

Патч положил руку Эрнеру на плечо.

– Я знаю, – сказал он. – Но так и должно быть... А что Магистр?

– Магистр Стоун непривычно молчалив, – ответил Эрнер. – И мрачен. Мрачнее обычного.

– Я догадался, когда услышал, что он выбрал Песнь Развеяния, – кивнул Патч. – Но это... чересчур, не думаешь?

Эрнер поёжился.

– Магистр – лучший Флейтист, которого я когда-либо видел. Для него Песнь Развеяния – чепуха, к тому же она-то уж точно решает поставленную задачу.

Секунду помолчав, он понизил голос и тихо добавил:

– Честно говоря, это *действительно* было чересчур. Думаю, он просто разозлился из-за всех этих забегов по ледяным пустошам в поисках тебя.

– Надеюсь, обратный путь его взбодрит, – сказал Патч. Момент показался ему подходящим, чтобы заговорить о Рен. – Вообще, я хотел с тобой поговорить...

– Молчать! – раздался зычный голос, и в комнату грозной поступью вошёл Рандел Стоун. Патч отошёл в сторону. Несмотря ни на что, он обрадовался, увидев своими глазами живую легенду.

– Мы выезжаем через пять минут. Погода портится. Я купил у жителей ещё одну лошадь – для нашей *обузы*! – с этими словами он бросил на Патча презрительный взгляд. Мальчик хотел было возразить, но ещё один суровый взгляд остановил его.

– Молчать! – повторил Стоун. – Понятно? Сейчас и на протяжении всего пути. *Ни слова!* Ты преступник. Позор флейтистов. О, я знаю о тебе всё, Патч Брайтвотер. Мне пришлось узнать. Многообещающий ученик, который мечтал присоединиться к Высшей Страже, а вместо этого опозорил себя и бежал поджав хвост. А после ещё и использовал то, что всё-таки успел усвоить, *во вред* и вынудил меня от-

правиться на поиски, хотя это время можно было использовать с гораздо большей пользой, решая проблемы, которые, в отличие от тебя, действительно *имеют значение*.

Патч открывал и закрывал рот, не издавая ни звука, точно рыба, выброшенная на берег.

– Пять минут! – рявкнул Стоун и обернулся к Эрнеру. – Идём, Подмастерье! – прокричал он и вышел из комнаты. Бросив на Патча виноватый взгляд, Эрнер последовал за Магистром, заперев за собой дверь.

Рен выглянула из укрытия.

– Вот и встретил своего героя, – вздохнул Патч. – Мы поговорим с Эрнером рано или поздно.

Он распахнул сюртук.

– Это сшил мой дедушка. Из оленьей кожи. Прощальный подарок перед тем, как я отправился в Тивискан. Тогда он был мне великоват, но теперь точно впору. Очень лёгкий, чтобы носить летом, и вполне тёплый для зимы, а ещё в нём куча карманов. Ну же, полезай сюда.

Рен явно замешкалась в нерешительности.

– Не бойся, не раздавлю, – успокоил Патч. – Обещаю.

Когда через несколько минут Стоун и Эрнер вернулись, крыса уже удобно устроилась в одном из карманов.

Патча вывели на улицу. Рядом с лошадьми Высших флейтистов поджидала ещё одна, поменьше. Возле неё стояла Старейшая – единственная из всей деревни, кто вышел попрощаться. Прочие жители Паттерфолла даже не показыва-

лись из своих домов.

– Удачи, Патч! – сказала Грета и посмотрела на Стоуна. – Не будьте слишком строги к парнишке. Он правда хотел помочь.

Рандел Стоун ничего ей не ответил.

Следуя приказу Стоуна, Патч молчал всю дорогу. И чувствовал себя из-за этого абсолютно несчастным. В тишине он оставался наедине со своими мыслями – о прошлом или о том, что ждёт его впереди. Ни то, ни другое не радовало. С Песней, разметающей снег на пути, которую играл Стоун, им понадобился всего один день, чтобы выбраться из долины и спуститься с гор. Продвигаясь всё дальше на юг, путники чувствовали, как зима ослабляет свою ледяную хватку. Крошка Рен свернулась тёплым клубком в кармане сюртука возле самого сердца мальчика.

Ночами путники разбивали лагерь под прикрытием деревьев, устанавливая традиционные походные убежища *флейтистов* – лёгкие палатки из промасленной ткани, в каждой из которых помещается всего один человек. В сложенном виде палатка почти не занимает места, а на стоянке хорошо защищает от холода и позволяет хотя бы ненадолго уединиться. Патч научился ставить такие ещё в замке. И вот, забираясь в своё убежище, в свете тлеющих углей мальчик продолжал обучать Рен языку жестов.

На рассвете Эрнер уходил на охоту, приманивая Песней добычу – кроликов и лесных птиц, особо уязвимых в это вре-

мя суток. Стоун разжигал костёр. Только на третье утро они поменялись ролями. Едва Стоун скрылся из виду, Патч воспользовался шансом поговорить с Эрнером с глазу на глаз.

– Доброе утро, Эрнер, – поздоровался мальчик, выбираясь из палатки.

Эрнер как раз высек искру, разжигая огонь.

– Доброе, Патч.

– Послушай...

– Что? – Эрнер оторвал взгляд от занимавшегося огня, и Рен, вынырнув из кармана, забралась Патчу на плечо. Она приветственно помахала лапкой.

– Крыса! – вскрикнул Эрнер удивлённо. Рен снова взмахнула лапкой. – Это же язык жестов мери-сакса! – ещё больше удивился он, глядя, как крыса старательно повторяет движение. – Ты хочешь, чтобы я сделал... что-о?!

– Она не это имела в виду, – вздохнул Патч, – она ещё только учится. Повернувшись к Рен, мальчик показал ей знак: сперва открытые ладони, затем сжатые в кулак. – Это значит: «Помоги мне», – сказал он. – А ты показала... В общем, совсем не то, и я хочу, чтобы ты никогда больше этого не говорила – в смысле не показывала.

Рен недовольно нахохлилась.

– Нет, я не стану пояснять тебе, что это значит. – Патч снова посмотрел на Эрнера. – Эрнер, это Рен. Она человек, её проклял Колдун, и ей нужна наша помощь. Она жила среди крыс в деревне, и подозреваю, именно благодаря ей они

так успешно избегали ловушек и яда. — Он покосился на Рен, которая приняла самый невинный вид. Но мальчик, осознавая, насколько она умна, почти не сомневался в своих догадках.

От ужаса у Эрнера глаза почти буквально полезли на лоб.

— Подожди... Ты хочешь сказать, среди тех крыс были люди?

— К счастью, нет, — ответил Патч. — Рен единственная. Она пришла ко мне незадолго до того, как заиграла Песнь Развеяния, и я защитил её, но, когда меня посадят в тюрьму, ей потребуется кто-то...

— Ты защитил её? — спросил Эрнер. — От Песни Развеяния? Но от её могущества почти нет защиты! Патч отмахнулся от едва скрытого восхищения друга.

— На самом деле я изо всех сил старался. Слушай, нам лучше не говорить об этом Магистру, а он вернётся с минуты на минуту.

— Почему ты не хочешь говорить ему? — спросил Эрнер.

Рен снова показала что-то невероятно грубое, но Патч подумал, что в этот раз она точно знала, что именно показывает. Он повернулся к Эрнеру.

— Она думает, что Рандел Стоун слишком упрям и что он арестует её за... не знаю, за то, что она говорящая крыса *без лицензии*. Или что-нибудь в этом роде.

Эрнер от всей души рассмеялся, но вдруг резко замолчал.

— О. Понимаю, о чём ты.

Патч одобрительно кивнул.
– Вот именно.

Суд над Флейтистом

Эрнер согласился не выдавать Рен и найти способ снять с неё заклятие, как только они прибудут в Тивискан. За время путешествия их таинственная спутница почти освоила язык жестов. Занятия с ней помогали Патчу отвлекаться от размышлений о своей горькой судьбе.

Прошло десять дней с момента, как Паттерфолл скрылся из виду. И всадники увидели сквозь пелену дождя знакомую скалу с замком Тивискан на вершине. Вокруг шумел зелёный лес. По склону горы, куда выходила обратная часть замка, спускался в долину город с одноимённым названием – Тивискан, с крутыми улочками и старинными домами.

Огромный замок словно висел над городом. Казалось, своим острым шпилем он пронзает самое небо. Его бесконечные стены уходили под облака и низвергались в каменные недра – *внутри* самой скалы, – потому определить, где он начинается, было практически невозможно.

Каждый год замок увеличивался в размерах. Сколько лет этому творению, точно не знал никто – некоторые стены и залы были старше самой музыки, древнее самой Флейты – они будто были изначально, и в те далёкие времена в них просто прорубили проходы и туннели.

Самые старые помещения прятались в самой глубине замка – они и служили темницами, в одну из которых скоро бросят Патча. От одной мысли об этом он содрогнулся.

Путники подъехали к воротам, миновали массивную двойную арку и пересекли рыночную площадь, многолюдную и шумную, несмотря на дождь. Затем спешили возле центральной башни, и Магистр Стоун провёл всех сквозь кованые ворота через сумрачный зал. Оттуда разбегалось две лестницы. Одна, простая, выбитая в камне, вела вниз; другая – величественная, с мраморными ступенями, открывала путь вверх. Стены зала украшал тонкий рисунок, вырезанный в камне: история волшебства Флейты и жизни *флейтистов*.

Начиналось всё с самого раннего периода, когда флейтисты знали лишь простейшие песни. Тогда эти люди были скорее монахами или рыцарями, странствующими по миру и

предлагавшими помощь тем, кто в ней нуждался. Расплачивались с ними едой и кровом. Жизнь *флейтисты* вели простую и ясную, сверяя каждый свой шаг с Кодексом чести. Этот идеальный миропорядок однажды был нарушен. Восстановился он лишь много лет спустя, когда появилась Высшая Стража.

Следующий период – поиск и доведение до совершенства новых песен и навыков: искусство игры на флейте постоянно развивалось и прогрессировало. «В этих стенах сокрыта великая, великолепная, оглушительная история!» – размышлял Патч.

Следующая картина изображала сражение. Две армии, противостоящие друг другу. В одной из них – *флейтисты*. Патч несколько секунд глядел на картину, пока не понял, что это за сражение. Он вздохнул с сожалением. За него *флейтисты* получили плату. Они разгромили армию противника и стали абсолютными победителями.

«Да... – подумал он. – В истории *флейтистов* далеко не всё так просто и уж точно не всё можно считать таким уж великим и прекрасным».

Стоун остановился и проследил за его взглядом.

– А-а, – протянул он. – Сражение при Дорнли Флатс. Вижу, ты не одобряешь.

– Не одобряю, – подтвердил Патч. – Ведь до этого боя флейтисты сражались не ради денег, а ради *справедливости*.

– Не мы придумали войну, мальчик, – бросил Стоун. –

Слишком многие воевали за эти земли. Кто-то больше, кто-то меньше. Но часто война разгоралась из-за обычных споров. А если у *флейтистов* есть навыки, которые могут пригодиться, чтобы выиграть бой, то почему бы не извлечь из этого выгоду?

Патч ничего не ответил.

– К тому же, – продолжил Стоун, – ни один правитель – ни король, ни королева, ни барон или иной владыка – не захочет стать врагом Совета Флейтистов. Ведь без разрешения Совета они не могут нанять достойного флейтиста, чтобы тот сражался на их стороне. Им бы пришлось приглашать только *изгнанных*, лишённых должной тренировки и навыков, а это могло ослабить их военную мощь. Тебе бы лучше запомнить, что именно Совет гарантирует безопасность всех *флейтистов*.

– Возможно, – отозвался Патч. Может, это и было правдой, но какой-то слишком уж горькой.

– Наверху расположен зал Совета, – продолжал Стоун. – Там ты окончил бы своё обучение, будь ты достойным учеником. Только подумай, какой могла бы стать твоя жизнь! Но завтра ты окажешься в этом зале в первый и последний раз – когда тебя будут судить. – Со вздохом он покачал головой и указал на лестницу вниз. – А сейчас мы пойдём туда.

Стоун спускался по винтовой лестнице, следом шёл Патч, последним – Эрнер. С каждым витком ступеней кругом становилось всё темнее, из глубины поднималась отвратитель-

ная вонь.

Наконец они оказались у запертых дверей. Стоун постучал, какой-то толстяк тут же отворил их.

– Заключённый до суда, – сообщил Стоун. – Его имя Патч Брайтвотер.

Он повернулся к Эрнеру:

– Проводи его до камеры, а я сообщу Совету об успешном завершении миссии.

– Проходите, – сказал толстяк и быстро закрыл двери, стоило Патчу и Эрнеру войти. – Меня зовут Фарнел, идите за мной.

Фарнел повёл их по тёмному коридору, освещённому только масляными лампами. Патч увидел череду маленьких камер, дверь одной оказалась открытой. Фарнел указал на неё, и Патч вошёл. Места хватало только на то, чтобы лечь. Сквозь решётки едва проникал бледный свет. На холодном полу валялось немного соломы и одеяло, такое жёсткое, что, казалось, о него можно удариться. Дверь захлопнулась, и Патч услышал удаляющиеся шаги.

Рен выбралась из кармана и взбежала мальчику на плечо.

– *Ужасное место!* – тревожно взмахнула она лапками.

Патч кивнул. «Пять лет», – подумал он. Пять лет в камере, которая будет ещё хуже этой. И то, если повезёт и наказание смягчат.

Спустя несколько минут Эрнер открыл дверь и вручил ему одежду.

– Тюремщик настоял, чтобы ты переоделся в это, – сказал он. – Обвиняемый на суде должен быть в тюремной форме.

Патч взял штаны и рубашку из грубой ткани.

– Можешь остаться в своих ботинках, – добавил Эрнер.

– А сюртук? – спросил Патч.

Эрнер покачал головой.

– Я присмотрю за ним до твоего освобождения. Знаю, что ты особенно дорожишь им.

Патч опустил Рен на пол, переоделся и передал Эрнеру вещи и сюртук.

– Я хочу, чтобы ты присмотрел ещё кое за кем, – сказал он и обернулся к Рен.

– *О чём это ты?* – вытаращилась она, выразив жестами недоумение.

– Я хорошо о ней позабочусь, – пообещал Эрнер. – Даю тебе слово.

– *Ни за что!* – Рен замахала лапками. – *Я останусь с Патчем! Кто-то должен его поддержать!*

– Ты не можешь остаться со мной, Рен, – возразил Патч. – Тебе не место в темнице!

Крыса сложила лапки на груди и отвернулась.

– Рен, пожалуйста! Эрнер тебе поможет. А я справлюсь. Через пять лет меня выпустят. И ты сможешь передать мне награду! – сказал он и сам почти поверил, что это *возможно*.

Рен переводила взгляд с Патча на Эрнера и обратно. Она совсем сникла, повесив голову. И, опустив глаза, кивнула.

– *Я буду скучать по тебе!* – показала она жестами. В руках Эрнер держал небольшой кошель. Встав на колени, он откинул клапан.

– Ты здесь поместишься, – сказал он.

– Никому не показывайся! – предупреждал Патч. – Люди так не любят крыс. Ради своей же безопасности, не попадайся им на глаза.

Рен запрыгнула в своё новое убежище, бросив на Патча последний печальный взгляд. И взмахнула лапкой на прощание. Патч помахал ей в ответ.

– Береги себя, Рен, – сказал он.

Эрнер вышел и закрыл дверь. Патч ещё долго прислушивался, как звучат и затихают в дальних закоулках его удаляющиеся шаги.

Мальчик остался совсем один.

* * *

Ночь была долгой и беспокойной. Патч проснулся от запаха горячей похлёбки.

– Уже утро? – спросил он Фарнела – толстяка, что встречал их и дежурил всю ночь.

Естественный свет не мог пробиться в тёмные залы, и иного способа узнать время здесь не было.

– Да, – ответил Фарнел. – Суд начнётся через час. Патч съел свой последний обед перед десятью, а может, и пятью

годами заключения – если повезёт. Потом Фарнел кандалами приковал мальчика к себе. – Знаю, ты сейчас и не думаешь о побеге, парень, – сказал Фарнел. – Но всё меняется, когда приговор оглашают, и реальность бьёт тебя прямо в живот. Поверь мне.

Он провёл Патча по центральной лестнице Башни до самых резных дверей Зала Совета. Фарнел постучался, створки распахнулись, обдав их шумом голосов.

Их встречал переполненный зал.

В кресле с одной стороны зала восседал Рандел Стоун. Подсудимого подвели к стулу в самом центре – неудобному, железному и холодному. Мальчик сел и быстро осмотрелся, пытаясь взглядом отыскать Эрнера, и нашёл его в третьем ряду слева. В руке тот держал знакомый кошель. Патч на секунду представил, что оттуда выглядывает крохотный чёрный носик.

Его будут судить члены Совета Флейтистов, обычно их двое. Дверь в дальней стене открылась: судьи, одетые в многослойные церемониальные мантии, расшитые золотой, серебряной и фиолетовой нитью, входили в зал. Патч во все глаза смотрел, пытаясь угадать, кто же из них решит его судьбу.

Первым зашёл Лорд Древис, затем Лорд Пьютер, Леди Винклесс, Лорд Кобб и Леди Рамси.

Все они будут вершить суд над ним.

Патч обернулся к Фарнелу.

– Разве обычно судей не двое?

– Обычно да, но твоё дело особенное, – ответил Фарнел. Патч насторожился.

– Особенное?

– Да, парень. Слухи о злом флейтисте – серьёзная вещь. Народ боится его до чёртиков! Они думали, что сбежал сам Гамельнский Крысолов! Неудивительно, что весь Совет собрался. Посмотри, сколько народу!

Со стороны судейской скамьи прозвучал характерный стук молотка правосудия, призывая к тишине. Это Лорд Древис – глава Совета Флейтистов. Он, как и Стоун, был из тех самых Восьмерых. Более того, он *возглавлял* Восьмёрку, когда те поймали Гамельнского Крысолова. Это сделало его, пожалуй, самым известным Флейтистом во всём мире. Потребовалось ещё два удара судейского молотка, чтобы в зале окончательно воцарилась тишина.

– Суд начинается! – объявил Древис. – Обвинитель, докладывайте.

Рандел Стоун поднялся с места.

– Подсудимый по имени Патч Брайтвотер.

– Подсудимый, встаньте! – велел Древис, и Патч, звякнув цепью, поднялся.

– Брайтвотер, тринадцати лет от роду, проходил обучение в Замке, – продолжил Стоун. – В середине прошлого лета, совершив множество ошибок и опозорив себя, он был вынужден бежать. Он прервал обучение и покинул замок. –

Публика мрачно заворчала. – Совету известно, что вскоре пошли слухи о злом флейтисте, играющем Песнь Танца. Флейтисте, способном изменять *свою внешность*! – Публика загудела. – Стало известно, что за этими деяниями стоит Брайтвотер. Однако слухи о смене внешности оказались недостоверными. На самом деле он играл Песнь Танца тайно на улицах, площадях и в тавернах, чтобы заработать *деньги и славу*! – Стоун удовлетворённо оглядел публику. – Его действия *бросили тень* на чистое и благородное Искусство Флейты!

Люди поддержали его возмущёнными криками.

– Доказательства? – спросил Лорд Пьютер.

Стоун вскинул руки, в которых держал обе половинки сломанной флейты Патча.

– Историю его преступлений можно узнать из флейты, на которой он играл и которую явно сам смастерил.

Лорд Пьютер жестом велел Стоуну подойти. Взяв сломанную флейту, тот внимательно осмотрел её, затем передал коллегами.

– Выглядит она довольно обычно, хотя всё может быть, – заметил Пьютер. – Приятно видеть, что ты смастерил хорошую флейту, Патч Брайтвотер.

– Благодарю, Лорд Пьютер, – ответил Патч. – Я выдержал её над горящим боярышником, в этом всё дело.

Стоун бросил на него злобный взгляд.

– Подсудимый должен молчать!

– Ну же, Рандел, – остудил его Пьютер. – Я сам обратился к нему, дав право на ответ! – Он посмотрел на мальчика. – Теперь подумай хорошенько, Патч Брайтвотер. Ты сознаёшься в своём преступлении? Играл ли ты Песнь Танца, как утверждает Магистр? Не было никакого смысла отрицать сказанное.

– Сознаюсь, – ответил Патч. Зрители поражённо охнули. – Но причиной была не жадность, милорд. Я искал не богатства и славы, а только еды и крова.

Члены Совета повернулись друг к другу, негромко переговариваясь. Наконец Древис ударил судебским молотком и заговорил.

– Патч Брайтвотер, ты признал вину. Но мы думаем о смягчении приговора. Ты использовал Искусство Флейты в дурных целях, но твои наставники хорошо о тебе отзываются, и ранее ты проявлял себя как добрый и честный человек – хоть и не всегда разумный. Теперь, как уже случалось ранее, ты запутался и сделал неправильный выбор! – Судья посмотрел на своих коллег. – Наше решение единогласно? – Те кивнули. – За подобное преступление полагается десять лет заключения в темницах Тивискана. Но милостью суда срок сокращён до пяти лет.

Зрители зашептались, одобрительно кивая. Эрнер бросил Патчу ободряющий взгляд. Патч посмотрел на сумку в его руках и разглядел поднятые вверх крошечные лапки.

Вдруг раздался голос.

– Пойдите!

Это был Рандел Стоун.

– Да, Магистр? – отозвался Лорд Древис.

Стоун поднялся со стула и вышел в центр зала.

– Я согласен с вашим мнением о подсудимом. Он и вправду скорее *дурак*, чем злодей. – Со стороны публики раздались сдавленные смешки. – Однако кое с чем я не могу согласиться.

– Продолжайте. – Древис внимательно смотрел на него.

– Это серьёзное обвинение! – прогремел Стоун. – После заключения Гамельнского Крысолова в темницу Песнь Танца строго запрещена. За все годы никто не нарушал этого запрета. До сих пор! А вы хотите отпустить виновного без должного наказания?

– Посмотри на него, Рандел, – мягко сказала Леди Винклесс. – Парень вовсе не злодей. Пять лет в темнице достаточно суровое наказание для него.

Стоун замотал головой, а когда заговорил снова, голос его просто звенел от злости.

– Глядя на Брайтвотера, вы видите только мальчишку, который пришёл сюда учиться, но сбился с пути истинного. Я же вижу *опасность*. Он играл Песнь Танца, поправ наши законы. Время идёт, и люди начинают забывать, что случилось в Гамельне. Этого нельзя допускать! – Обвинитель обвёл взглядом зал, погружённый в гробовое молчание. Но Патч заметил, что именно на него Стоун не смотрит.

– *Страх* охватил людей, когда пошли слухи о Злом Флейтисте, – продолжал он. – Но на самом деле история Гамельнского Крысолова меняется. В ходе поисков Брайтвотера я однажды наткнулся на трактир под названием «Флейтист и Крысы». А на его вывеске – весёлая сценка с Гамельнским Крысоловом! *Благожелательным!* – Рука Магистра сжалась в кулак. – Я говорил и с такими, кто считает, что на самом деле Крысолов из Гамельна был героем, что он отвёл детей в счастливое место, где они живут прекрасной жизнью. Что, вероятно, люди Гамельна сами спровоцировали его или так ужасно обращались со своими детьми, что ему пришлось их спасать! – На секунду Рандел Стоун замолчал, охваченный гневом.

– Как это возможно? Как мы могли такое забыть? – Он снова оглядел зал. Большинство присутствующих прятали глаза.

– Мысли о том, что Гамельнский Крысолов не злодей, необходимо пресечь на корню! – продолжал греметь обвинитель. – Именно потому сейчас мы не можем быть снисходительными. Нельзя проявлять жалость. Мы должны напомнить всем об ужасном событии, которое случилось в Гамельне десять лет назад. К преступлениям Брайтвотера следует отнестись со всей строгостью! И потому я обращаюсь к Правилу Множественных Нарушений!

Все члены Совета, поражённые этой речью, в смятении смотрели на Стоуна. Зал просто взорвался от криков.

Патч осторожно склонился к Фарнелу.

– Что это значит? – шёпотом спросил он.

– Думаю, тебе лучше сесть, парень, – ответил Фарнел. –

То, что тут происходит, точно тебе не понравится.

Патч остался стоять.

– Вы имеете право потребовать это, Магистр, – медленно произнес Лорд Древис и обернулся к остальным членам Совета, чтобы всё обсудить.

Зрители по-прежнему возмущались.

Наконец Лорд Древис поднял молоток правосудия, и шум утих.

– С глубокой печалью мы вынуждены согласиться с твоим требованием, Рандел! – сказал он. – Патч Брайтвотер, мы всё ещё проявляем милосердие и сокращаем твой срок вполовину. Однако само наказание теперь будет составлять десять лет за каждый раз, что ты нарушил Закон и исполнил Песнь Танца! – он посмотрел на Рандела Стоуна. – Изучив сломанную флейту, сколько исполнений ты насчитал?

– Сто два! – ответил Стоун.

Зал погрузился в гробовую тишину. Члены Совета побледнели, когда в полной мере осознали смысл сказанного.

– Мы лично проверим названное число, Рандел, – сказал Древис.

– Разумеется, – кивнул Магистр.

– Патч Брайтвотер, – продолжил Древис. – Тебя осуждают на десять лет за каждое из ста двух твоих преступлений.

Таким образом ты приговорён к одной тысяче двадцати годам заключения в темницах Тивискана, но нашей милостью мы сокращаем их до пятисот десяти лет. Тюремщик, отведи его в камеру – И молот правосудия в руке Лорда Древиса опустился в последний раз. Сам Древис при этом выглядел очень печальным.

Зрители зашумели снова.

– Да смилостивится над тобой Господь! – кричал кто-то. – Рандел Стоун не знает милосердия!

Патч упал на стул, не в силах осознать произошедшее. Он посмотрел туда, где сидел Эрнер, и увидел, как тот пытается удержать Рен, рвущуюся наружу.

– Нет! – прокричал ей Патч. – Пожалуйста! Не надо!

Кто-то из зрителей засмеялся.

– Тебе уже ничего не поможет!

Патч не сводил взгляд со своих друзей. Он увидел, как мелькнули лапки Рен. Она что-то показала ему, затем снова спряталась.

Фарнел выволок его из зала и потащил вниз по ступеням. Они миновали камеру, где Патч провёл эту ночь, и продолжили спуск.

Они спускались всё ниже и ниже, и Патч вдруг задумался: интересно, насколько глубоко его упрячут?

Фарнел провёл осуждённого по длинному коридору со множеством дверей – старше этой стены в замке нужно было ещё поискать. Отовсюду доносились возгласы: «Эй, кто там

у тебя, а? Кого ты к нам привёл?»

Фарнел остановился у последней двери в конце коридора. На полу лежало сложенное одеяло, которое тюремщик поднял и протянул Патчу, стараясь не смотреть на него.

– Я редко жалею узников, парень. Но у тебя такой приговор, – толстяк покачал головой, – что я подумал: надо посадить тебя в камеру получше. Она хоть и на границе с Тьмой, но всё же у внешней стены, так что у тебя даже окошко будет. – Он повернул ключ и широко распахнул дверь.

Патч рассмотрел её. Створка толщиной в метр, как и сама стена. Камера действительно оказалась больше, чем он думал, – пять шагов в ширину. Вместо окна – проём толщиной с ладонь. Но свет всё же пробивался внутрь, кое-что разглядеть. В тёмном углу валялась куча тряпья. И воняло просто невыносимо.

– Сюда будешь справлять нужду, – сказал Фарнел, ткнув пальцем в дыру в каменном полу. – Тебе будут давать еду и воду, миска и чашка вон там. – Он указал на посуду, брошенную на пол возле тряпок. – Видишь эти отверстия у двери? Оттуда тебе будет прилетать еда и вода. Будь готов поймать их. – Патч заметил небольшие проёмы в стене, и множество испорченной разлагающейся еды на полу под ними. Неудивительно, что здесь такой запах.

Фарнел расстегнул кандалы. Патч потёр затёкшие запястья.

– Что случилось с тем, кто находился здесь до меня? –

спросил он.

– О, хорошо, что напомнил! – воскликнул Фарнел, подходя к куче тряпья.

Оказалось, это не тряпье. Это тело.

Фарнел вынес его в коридор и положил на пол. Теперь Патч мог разглядеть мертвеца – старик, настолько тощий, что от него остались только кожа да кости.

– Невинный Джек, так его звали, – сказал Фарнел.

– Почему?

– Потому что он был *невиновен*, – ответил Фарнел. – Его осудили за убийство человека при помощи Флейты, а так называемая жертва обнаружилась потом живой и невредимой, в прошлом году! – Тюремщик покачал головой. – Жаль, что Джек умер. До пересмотра его дела оставалась всего пара месяцев. Его бы наверняка освободили!

– Как долго он здесь находился? – спросил Патч, глядя на тонкую, как пергамент, кожу на лице старика.

«Должно быть очень, очень долго, – думал мальчик. – Может, есть возможность протянуть, пока Совет не одумается и не выпустит меня...»

– Джека признали виновным, когда ему было двадцать, – ответил Фарнел. – Дай посчитать... – Он задумчиво смотрел в потолок. – Выходит, бедняга провёл здесь почти пятнадцать лет.

Патч в ужасе смотрел на Фарнела.

– Время здесь никого не щадит, – печально отметил тот. –

Потому, что ж, удачи тебе, парень! – Он захлопнул тяжёлую дверь.

Патч услышал затихающие шаги. И вдруг *почувствовал*, как стены давят со всех сторон...

Подбежав к окну, он встал на носочки, чтобы поймать ртом хотя бы немного свежего воздуха. Глубоко дыша, мальчик ждал, пока страх отступит.

Он вспомнил, что показала ему Рен в зале Совета: «Не сдавайся».

Но как это возможно? Прямо сейчас Патч Брайтвотер был уверен только в одном: как и Невинный Джек, он останется здесь до самой смерти.

Гамельнский Крысолов

Едва паника, охватившая Патча, начала отступать, мальчик услышал нечто такое, от чего она тотчас вернулась.

– Эй! – позвал кто-то.

Патч отскочил от окна.

– Кто это? – спросил он, озираясь.

– Я тут, внизу! – казалось, этот мужской голос доносится отовсюду.

«Неужели всего, что случилось, мало! – с горечью подумал Патч. – Так ещё предстоит делить камеру с призраком Невинного Джека?»

– Кто ты? – спросил он. – Пожалуйста, оставь меня в по-

кое!

– Слушай, дружище, – ответил голос, – нам предстоит провести вместе *поистине уйму* времени, так что давай поладим, а? Меня зовут Мутный Генри. – Ты... ты *призрак*?

Мутный Генри тяжело вздохнул.

– Я твой сосед. Посмотри у основания стены. Видишь щель?

Патч посмотрел на стену справа от него. Внизу, возле самого пола, темнела щель, она была значительно уже окошка. Патч подошёл ближе, чтобы удостовериться, что то, что слышит и видит, это и *вправду* так. – Вижу! – сказал он.

– Так посмотри в неё и скажи: «Привет».

Патч посмотрел в щель. Она буквально пронзала насквозь каменную толщу и открывалась с другой стороны стены. Оттуда на мальчика уже кто-то смотрел. – Привет, – сказал Патч.

– Твоя камера в этом коридоре последняя, так что я – твой единственный сосед, – сказал Генри. – А эта щель – часть коммуникаций, через неё удобно говорить друг с другом, причём так, что другие могут и не услышать нас. Значит ты – Патч Брайтвотер?

– Откуда ты знаешь, кто я?

– Тут внизу слухи разносятся быстро! Рад познакомиться, Патч. Правда, мы ещё не успели придумать тебе прозвище. Не то что предыдущему обитателю твоей камеры, Джеку.

– Невинному Джеку! – печально воскликнул Патч.

– Именно! Разумеется, сперва он был *Убийцей Джеком*, пока не оказалось, что мертвец живёхонек, а Джек невиновен. Видишь ли, обычно прозвища здесь отражают суть приговора.

– Тогда почему тебя зовут Мутный Генри?

Генри замолчал. Пауза вышла довольно длинной и неловкой.

– Не знаю, – сказал тот наконец.

Патч немного подождал, но продолжения не последовало. Вероятно, это и был ответ.

– Ну... Ладно.

– Так какое же прозвище тебе дать? – как ни в чём не бывало проговорил Генри. – Патч Обречённый? Юный Бедняга Патч? Ладно, придумаем ещё. У нас тут уйма времени.

– Ага, – согласился Патч, хотя услышанное об «уйме времени» наполнило его ужасом.

Мальчик отстранился от щели и лёг на спину, глядя в потолок.

– Пара полезных советов, – продолжил Генри. – Во-первых, когда приходит время кормёжки, стража кричит: «Трубы!»

– Фарнел говорил, – кивнул Патч. – Но почему «трубы»?

– Так им не приходится открывать двери, парень, – ответил Генри. – Готовься ловить еду, но особенно воду! Когда идёт дождь, можно заметить, как вода стекает в эти проёмы и бежит по желобкам в полу. Видишь их? Видишь, куда ведут?

Патч посмотрел на пол. Желобки не шире фаланги пальца бежали прямо к отверстию в полу, которую показывал ему Фарнел, — в отхожее место.

— Вижу.

— Во-во. Нам достаётся немного, кхм, *лишней* воды сверху, а мы всё же на пятом уровне снизу. Так что не пей дождевую воду, как бы тебе ни хотелось, какой бы чистой она ни казалась! И ради всего святого, следи, чтобы ничего в той дырке не застряло!

— Обязательно, — прошептал Патч. — Генри, это правда, что по ночам здесь слышно крики Гамельнского Крысолова?

— О, слышно, ещё как! — ответил Генри.

— А вам не страшно? Он же так близко!

— Бояться Гамельнского Крысолова? Он уже ни на что не годен. Да и рассудок у него совсем помутился. Но я всё равно не боюсь ни его, ни любого другого Флейтиста, что здесь заключён. Даже если кто-то из них и может насвистеть Песнь — никакого результата не будет. И даже если у него с собой будет настоящая Флейта, всё равно бесполезно. Тут свои меры предосторожности.

— Меры предосторожности?

— Видел, какие толстые стены? Если приглядишься получше, заметишь, что каждый выход из камеры украшен специальными бороздками.

Патч присмотрелся к щели, ведущей в камеру Генри. Несмотря на темноту, он всё же разглядел вырезанный в кам-

не узор из мелких завитков.

– Искажатели звука? – догадался Патч. Он слышал о них, когда учился: эти узоры путали звуки каждой Песни и ослабляли её магическое действие. Правда, только в длинных и узких помещениях. Для полноценной защиты завитки подходили мало и играли роль скорее забавного нюанса в Искусстве игры на флейте. Но замок был как раз тем единственным местом, где искажатели работали идеально.

– Именно, – подтвердил Генри. – Тут сидят люди, практически не восприимчивые к музыке, даже к свисту, но искажатели добавляют надёжности. Поэтому стены и двери такие толстые, а для того, чтобы передать нам пищу, тюремщики используют трубы. Находясь в своей камере, ты не сможешь ни на кого повлиять. Так что не бойся Гамельнского Крысолова. Теперь он совершенно безвреден. Особенно после того, что с ним сделали!

– Железная Маска! – сказал Патч самому себе.

И вспомнил, как в детстве не раз уговаривал бабушку рассказать ему историю о Крысолове из Гамельна. Она же сама больше любила истории о Восьмерых: как они отыскали и поймали преступника, и совсем не хотела рассказывать о злодеяниях того Крысолова. «Не хочу пугать тебя, малыш», – повторяла она.

«Но мне ни чуточки не страшно, бабушка!» – уговаривал мальчик. Старушка сдавалась, и Патч слушал очередную историю. Конечно, ему было страшно. Патч точно знал, что,

стоит бабушке выйти из комнаты и закрыть за собой дверь, а свече погаснуть, как его храбрость улетучится. Он будет лежать в постели, трясаясь от ужаса и представляя, как длинные костлявые пальцы Гамельнского Крысолова смыкаются на дверной ручке, дверь отворяется, и... Эту историю бабушка всегда начинала с одной и той же фразы, от которой мальчишка замирал в благоговейном восторге и леденящем кровь ужасе: *«Слышал ли ты о Гамельне, Патч? Однажды этот город заполонили крысы...»*

* * *

Слышал ли ты о Гамельне, Патч? Однажды этот город заполонили крысы.

Конечно, в каждом городе есть крысы, но однажды летом их стало так много, что Мэр Гамельна созвал крысоловов со всей округи. Раньше они всегда справлялись с задачей.

Но не в этот раз.

Сперва крысоловы были рады. Ведь чем больше крыс они ловили, тем больше денег получали! Отличный заработок!

Затем ловцы крыс начали волноваться.

«Это ненормально, – говорили они друг другу. – В день мы ловим тысячу крыс, но их становится только больше!»

Крысоловы решили, что город проклят, и один за другим покинули Гамельн.

Жители разозлились на Мэра за то, что тот позволил кры-

соловам уйти, — но разве он мог остановить их?

Оставалось только вызвать Флейтиста!

Правда, Флейтисту нужно заплатить больше, чем всем крысоловам вместе взятым, но тот уж точно избавил бы город от нашествия крыс.

Отчаявшиеся горожане собрали тысячу золотых монет и заперли их в городской сокровищнице. В тот же день Мэр, пригласив в городскую ратушу самых влиятельных людей города, написал письмо, чтобы вызвать Флейтиста. «*Одна тысяча золотых монет*, — говорилось в этом письме, — *достанется тому Флейтисту, кто избавит наш город от крыс*».

Но едва Мэр запечатал конверт, как дверь распахнулась. На пороге стоял Флейтист, очень высокий, худой и весь какой-то угловатый.

— Слышал, в ваш город пришла беда, — с порога начал гость.

— Правда? — настороженно спросил Мэр и посмотрел на письмо, которое держал в руке. — От кого же ты об этом узнал?

— От двадцати крысоловов, что встретились мне на пути, — ответил Флейтист. — Но теперь я здесь, а крысы скоро покинут это место! За пятьсот золотых монет.

Мэр кивнул, стараясь сдержать улыбку. «*Пятьсот*, — думал он, — *Всего лишь пятьсот!*»

Он осторожно спрятал письмо в карман, после чего подошёл к Флейтисту.

– Слишком высокая цена, – сказал он, глядя на него снизу вверх.

– Что ж, если вы найдёте другого Флейтиста...

– Мы согласны! – перебил его Мэр.

Он протянул руку, и Флейтист пожал её. А затем улыбнулся. Те, кто в этот момент присутствовал в зале, улыбнулись ему в ответ, хотя на мгновение им показалось, будто зубы у Флейтиста уж больно острые, а улыбка – довольно жестокая.

Флейтист прокашлялся. Из сюртука он достал длинную тонкую Флейту и заиграл. Музыкант медленно вышел на улицу и так же медленно пошёл, не переставая играть.

Крысы, одна за другой, высовывали мордочки из всех щелей, делали шаг, второй, и вот они уже как замороженные уверенно следуют за играющей Флейтой!

Из каждого дома, с каждой улочки, выходили они, объединяясь в шеренги и колонны. Их было так много, что мостовые напоминали плотный шевелящийся ковёр или даже реку, медленно текущую за человеком с Флейтой в руках.

Горожане во главе с Мэром смотрели, как эта процессия покидает Гамельн. Крики радости то и дело вырывались из толпы, предчувствующей освобождение.

Вот уже Флейтист подошёл к реке Везер и остановился на самом её берегу. А затем поднял руки в широком жесте. Крысы двинулись прямо на него.

Жители города с ужасом наблюдали, как под полчищами этих мерзких тварей исчезает долговязая и нескладная фи-

гура Флейтиста. Они взбирались по его ногам, сюртуку, переваливали через плечи и спускались по спине – и напрямик кидались в воду. Это продолжалось примерно час, пока последняя крыса не скрылась под водой.

Только тогда Флейтист опустил руки и вернулся в город. Жители приветствовали его аплодисментами и радостными криками. Он глубоко поклонился им и улыбнулся.

Мэр стоял на ступенях городской ратуши, приветствуя горожан, – он очень хотел, чтобы все запомнили его выдающийся успех.

Когда Флейтист подошёл к Мэру, шум стих.

– Я сделал свою работу, – сказал Флейтист. – И хочу забрать плату.

Мэр приказал казначею принести мешок с монетами. Тот был так тяжёл, что пришлось везти вознаграждение на тележке.

– Ты пересчитал монеты? – спросил Мэр, и казначей утвердительно кивнул.

– Вот твоя плата! – сказал Мэр Флейтисту. – Пятьсот золотых монет.

Флейтист развязал мешок и запустил в него руку. Когда он поднял её, по его тонким пальцам стекал песок.

Толпа изумлённо ахнула. Мэр уставился на казначея, тот уставился на мешок. А затем бросился к мешку и вывалил его содержимое на землю. Песок. Ничего, кроме песка!

– Вы хотели одурачить меня? – спросил Флейтист.

– Не-е-ет! – замотал головой Мэр, ужаснувшись злобе, которую прочитал во взгляде обманутого музыканта. Он посмотрел на капитана городской стражи и указал на казначея: – Арестуйте этого человека! – закричал он. – И принесите пятьсот золотых монет из сокровищницы!

Казначей пытался сопротивляться, но его увели. Вскоре капитан вернулся и покачал головой.

– В сокровищнице тоже ничего нет, кроме песка, сэр! – доложил он.

Мэр потерял дар речи. Он молча смотрел на музыканта, который становился всё мрачнее.

– Вижу, что среди вас есть вор! – сказал Флейтист. – Я вернусь завтра, чтобы забрать свою плату.

И с этими словами он покинул город.

Мэр посмотрел на капитана и повелел:

– Найдите деньги!

Затем обернулся к самому доверенному советнику:

– Теперь ты казначей! Собери ещё монет на случай, если мы не сможем обнаружить пропажу!

На следующее утро река Везер вышла из берегов ниже по течению, потому что трупы крыс перекрыли её. Пшеничные и ячменные поля были уничтожены. Жители города начали собирать мёртвых крыс и сжигать их на огромных кострах. К вечеру воздух потемнел от дыма костров и вони горелого мяса.

Украденные деньги так и не нашли: казначей отказывался

признавать вину, и никакие способы убеждения и запугивания не помогали. В конце концов капитан городской стражи оставил его в покое, решив, что тот и в самом деле невиновен.

Новый казначей, помня о судьбе предшественника, сумел найти деньги для оплаты услуг Флейтиста, хотя это оказалось непросто. Когда сумма была наконец собрана, этот результат засвидетельствовал доверенный человек из городской стражи, который остался сторожить казну.

На закате Флейтист появился на дороге, ведущей к городу. В этот раз толпа приветствовала его молчанием. Все они испытывали только страх. Флейтиста подвели к сокровищнице, где стояла запертая казна. До этого момента её не оставляли без охраны ни на секунду.

– Приветствую тебя, Флейтист, – сказал Мэр.

– Приветствую и тебя, Мэр, – ответил Флейтист. Улыбка его не сулила ничего хорошего. – Где моя плата?

Мэр кивнул новому казначею, который открыл казну и выдал Флейтисту мешок. Флейтист развязал его и высыпал содержимое на землю.

Песок.

– Нет! – закричал Мэр.

– Нет! – закричал казначей.

Флейтист покачал головой, неодобрительно цокая языком.

– Какие же *серьёзные* у вас тут проблемы с законом, – мед-

ленно произнёс он. — Что же нам теперь делать?

И снова пристально посмотрел правителю города прямо в глаза. В этом зловещем взгляде тот увидел лишь тьму, бескрайнюю и безжалостную.

Мэр напряжённо кашлянул.

— У нас больше нет денег, — сказал он.

Ужасное предчувствие захлестнуло его с головой. И крысоловы говорили, что здесь что-то нечисто, и деньги исчезали бесследно, как их только ни охраняли. Горожане смотрели на всё с подозрением. Особенно на Флейтиста. Они явно ждали от Мэра какого-то решения. Но решения не было, и тот молчал.

— Не волнуйтесь, — сказал наконец Флейтист, хотя голос его прозвучал отнюдь не утешительно. — Сегодня я получу свою плату. И заберу то, чему вы так часто бывали не рады. То, от чего каждый хотя бы раз в жизни, но точно хотел избавиться. Более чем справедливое решение, как думаете?

Флейтист развернулся и покинул город. Горожане молчали, пока тот не скрылся за горизонтом. Мэр посмотрел на капитана.

— Пусть ваши люди приготовятся, — сказал он. — Поставьте усиленную стражу у ворот. *Никого* не впускайте сегодня в город.

Наступила ночь.

Вдалеке всё ещё полыхали костры.

Стража была наготове. Жители запирали дома.

Ровно в полночь раздался звук Флейты. Музыка становилась всё громче. Жители Гамельна видели, как их дети со смехом выскакивают из своих постелей. Отпирают двери, выбегают на улицы и танцуют на мостовой. Но ни один взрослый не мог пошевелиться, не мог произнести *ни слова*. Только смотреть.

А Флейтист, с глазами, пылающими как далёкие костры, танцевал от дома к дому, растянув губы в широкой улыбке, обнажив острые зубы, и дети следовали за ним, не переставая танцевать. Городские ворота распахнула неведомая сила, и Флейтист увёл детей прочь из Гамельна.

Только с первым лучами солнца жители города вышли из оцепенения и снова начали двигаться. Они упали на землю, завывая от ужаса. Затем бросились по дороге, разыскивая детей, – они даже видели их свежие следы на песке или в примятой у обочины траве.

Горожане бежали всё дальше и дальше, пока следы не привели их к узкой тропинке, которая обрывалась на самой вершине холма Коппен возле огромного камня.

Детей нигде не было.

И тут все слышали тихий плач – это был маленький мальчик, хромым от рождения.

– Я не успевал за ними, – в отчаянии повторял он снова и снова.

– А где остальные? – наперебой кричали взрослые. – Где наши дети?

– Он обещал отвести нас в Страну Радости, там куча игрушек и сладостей, каких мы только пожелаем! – отвечал мальчик. – Когда Флейтист привёл их сюда, в камне открылась дверь, и они все пошли туда. А я не поспевал за ними и опозда-а-ал! – Тут мальчик залился горькими и злыми слезами отчаяния. – Я не успел добежать, и дверь закрылась!

Камень осмотрели со всех сторон, но следов таинственной двери так и не нашли. Так сто тридцать детей были похищены Гамельнским Крысоловом в один момент.

Понадобилось больше года, чтобы схватить его.

Совет собрал восемь самых лучших музыкантов, чтобы выследить злодея, бросившего тень на всех *флейтистов* и их благородное дело. Группа Восьмерых почти сразу стала легендарной.

Когда Гамельнского Крысолова наконец поймали, тот наотрез отказался отвечать, что стало с детьми. Многие хотели его смерти, уверенные, что он никогда не скажет правду, но Совет сохранил ему жизнь и назначил самое суровое наказание, которое смог придумать, – Железная Маска. Накрепко сжимающая голову и закрывающая лицо, она навсегда лишала его возможности воспроизводить хоть какой-то мотив. Никакая магия не могла открыть или снять её – будь то особая Песнь или нечто иное.

Но главная сила Маски – совсем в другом. Едва её надели на Крысолова, тот больше не мог произнести ни единого слова, кроме одного. Того, что произносил в момент, когда

Маску захлопнули на его голове. Теперь он был способен повторять только это единственное слово – до тех пор, пока не признается, куда увёл детей из Гамельна.

– Крысолов, ты по-прежнему отказываешься говорить, что сделал с детьми? – спросил Совет.

– Да! – ответил тот и злобно взглянул на *флейтистов*.

Но в этот момент Маска защёлкнулась, и взгляд его померк. Он понял, что проиграл. Что его злому могуществу пришёл конец. И больше никому он не сможет навредить.

Крысолова заперли в самой глубокой темнице подземелий Тивискана...

«Да!» – стало тем единственным словом, которое он мог прокричать, которым оглашались по ночам угрюмые подземелья страшного замка.

– Добрых снов, – произнёс чей-то голос, возвращая Патча к реальности.

Мальчик понял, что голос принадлежал Мутному Генри, но именно эти слова всегда говорила бабушка, выходя из комнаты. Теперь он был далеко от неё, в холодной камере, в подземельях Тивискана. Откуда не выберется до самой смерти.

– Добрых, Генри, – ответил Патч, а потом встал и огляделся, ища, куда бы прилечь.

Только не в угол, откуда охранник сегодня выгреб тело Невинного Джека. Значит, нужно лечь в какой-нибудь другой.

Мальчик как можно плотнее закутался в тощее, жёсткое одеяло и вместо того, чтобы думать о будущем, вновь обратился к прошлому.

История Гамельнского Крысолова, разумеется, на этом не заканчивалась. Путешествие Восьмерых, отправившихся на поимку этого преступника, стало легендарным почти сразу. Но из всего, что Патч узнал во время обучения, самым поразительным стало *следующее* преступление Крысолова – именно из-за него чуть не разразилась новая война между людьми и драконами.

А ведь бабушка никогда не рассказывала об этом Патчу.

Через неделю после исчезновения детей из Гамельна было совершено ещё одно злодеяние: на Землях Драконов из закрытой школы пропали детёныши. Сто маленьких драконов просто исчезли. Десять взрослых – учителей и охранников – были найдены отравленными, из них только один смог остаться в живых. Добравшись до ближайшего поселения, этот человек рассказал, что произошло.

– Явился некто, – сказал Дракон. – Флейтист, верхом на грифоне! Он сыграл на Флейте, и наши детёныши последовали за ним за горизонт, радостно смеясь на лету.

Так Гамельнский Крысолов нанес ещё один удар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.